

ЗЫКОВ Б. К.

**СБОРНИК
ПОВЕСТЕЙ И
РАССКАЗОВ**

**ТАМ,
ГДЕ НАС НЕТ**

Борис Константинович Зыков

Там, где нас нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68806968

SelfPub; 2023

Аннотация

Данный сборник рассказов за авторством Зыкова Б. К. формировался параллельно с его «Собранием Ранних Сочинений» – книгой, выпущенной в прошлом году. В отличие от предыдущей книги, здесь собраны двадцать более цельных, и законченных приключенческих рассказов, которые повествуют как о полностью выдуманных, так и о достаточно реальных персонажах. «Там, где нас нет» является робкой попыткой автора заглянуть в иные миры, через опись событий зачастую не характерных для обыденной повседневности. Героев рассказов волнуют обыденные проблемы, страсти, недуги и увлечения, создающие вокруг них вереницы приключений. Иллюстрации на страницах книги созданы при помощи нейросети «Bubble Face Comics».

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
СЕРДЦЕ БУРИ	7
ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ КАНАТА МАКСАТОВА	13
АЛАЯ ПТИЦА	26
ГЕРОЙ ИЗ НАРОДА	31
БЕЗМОЛВИЕ	37
АВАНС ЗА КРУЖКУ ПИВА	59
ТАЙНЫ СУМЕРЕЧНЫХ ВОД	67
ПОДАРОК НА ДЕВЯНОСТОЛЕТИЕ	73
СЕРЕБРЯНАЯ ВИЛКА	84
ДОМОВЫЕ В ЛЕСУ	88
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ БЕСЕДА	105
ПРОКЛЯТИЕ БАРИНА	110
СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ	123
СУРОВАЯ ЗОНА ОТДЫХА	129
СУРОВАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ	143
ФИЗРУК НА СЕЙШЕЛАХ	152
НОЧЬЮ, В ПОЛЕ, В ТИШИНЕ	164
ПИСЬМА С ТОГО СВЕТА	169
В ОБЪЯТИЯХ СОЛНЦА	195
ЭПИЛОГ	198

Борис Зыков

Там, где нас нет

Там, где нас нет,

Горит невиданный рассвет.

Где нас нет –

море и рубиновый закат.

Где нас нет –

Лес как малахитовый браслет.

Где нас нет...

Мирон Фёдоров

ВВЕДЕНИЕ

Как и в одноимённой рэп-композиции Мирона Фёдорова, в этой книге слышатся авторские крики о сказочных мирах с лесами, живописными закатами и рассветами над морем.

Создавая очевидную коллизию между грубой реальностью и утопией, автор явно намекает на сюрреализм происходящего. Где-то это обусловлено заговорами, где-то тяжёлыми жизненными переживаниями героев. А где-то и общим физическим недомоганием.

Смысловое наполнения текста можно оценить даже при беглом прочтении содержимого сборника.

СЕРДЦЕ БУРИ

Что бы ты сделал, если бы умел летать? Я бы отправился туда, куда давно хотел попасть или к кому. А если бы ты мог наделять всё, к чему прикоснулся энергией взрыва? Я бы бесчинствовал. Ты живешь жизнью обычного человека? Быть может тебе нравится кто-то? Ты чего-то хочешь? У тебя ведь есть цель – я прав?

А что будет, если наделить тебя чем-то сверхъестественным? Что ты сделаешь с тем, что обретёшь? Будешь довольствоваться тем, что есть? Быть может скрываться и отгораживаться от всего и вся? А может, ты заявишь миру о себе?

Не важно, что ты выберешь... Это будет твой путь, а я лишь наблюдатель. Просто посмотрю на то, куда тебя заведет моя фантазия... Уж очень это дело интересно для меня.

Кем станешь ты? Героем или злодеем? Или же сохранишь нейтралитет? А давай ты будешь всем сразу: для себя останешься нейтрален, для неугодных будешь злодеем, а для прочих – героем.

Любопытно, как ты станешь жить с тем, что я тебе даровал? Поступай как знаешь. Я лишь хочу увидеть твою историю от начала до конца.

С пера капая чернила. Я отправляю тебя в урну – ты ис-

чезаешь. Пишу историю с чистого листа... Ох уж эта навязчивая идея сотворить прекрасное из ничего! Чувствую, как будто каждый раз убиваю часть себя.

Ты ведь хотел бы жить снова, ведь так? Я дам тебе новую попытку начать всё заново. Однажды ты станешь тем, кто разорвёт цепочку вечного недовольства. Готов ко второй попытке? Я нет...

И вот ты снова рождаешься. У тебя есть всё: семья, дом, вскоре появляются друзья, которыми ты дорожишь... Я сделал тебя сильным, чтобы ты мог выжить в непростом мире. Ты уезжаешь далеко от родных мест, от всех кого знал. Это как если бы всё начать сначала, но уже по своим правилам... Тебе не нравится такой поворот? Ты замыкаешься в себе. Становишься сильнее, но какой ценой? Ты перестаешь быть тем, кого знали твои старые друзья и родные...

Тебя боятся, но это не важно – их мнение пыль по сравнению с судьбой, что я уготовил тебе. На тебя напали. Что ты сможешь противопоставить? Подобно напуганному стаду попытаешься затоптать волка? А хочешь сам жить как волк? Сейчас твой дух – сердце бури, мечешься по округе, а тело твоё защищается, как может. Ты снова проиграл, возможно даже мертв.

Из последних сил ты набираешь номер...

Пара дней, а звучит как вечность. Ты не можешь открыть глаза – больно, нет сил. Вспоминаешь, зачем всё это, а взор твой не видит больше грязного переулка, в котором был бит.

Ты хочешь отомстить? Или же трезво смотришь на ситуацию. А как ты понял, что отомстить не в силах? Что? Снова просишь у меня помощи? Эх... Нужно помогать тому, кого я создал. Но ты должен заслужить мою помощь. Спрашиваешь «как»? Позже узнаешь. Иначе будет не так интересно. Твоя жизнь всё равно в моих руках, а раны твои скоро снова заживут.

Настал новый день и ты снова живешь полной жизнью. Ты считаешь, что всё ещё недостаточно силён? Всё в твоих руках, хватит общаться с голосами в голове! Ты станешь сильнее. У тебя ведь есть цель, да?! Именно она придаёт тебе сил. Помнишь, как я сказал однажды: твой дух – сердце бури. Вокруг тебя происходит множество различных вещей, но ты словно слепец, не видящий дальше собственного носа. Прозреть! Ты должен жить.

Ты упираешься кулаками в сырую землю и постепенно поднимаешься на ноги. И вот цель перед тобой – ты достигнешь её. Ты уже достигал желаемого? Какая цель у тебя теперь? По моему мнению, ты просто должен стать еще сильнее.

Убийство – тяжкое бремя. Теперь на тебе клеймо и от него не избавиться. Тысячи хороших дел тоже неплохо, но нельзя перекрыть то, что было совершено тобой однажды. Ты сожалешь о содеянном? Тебе не нравится то, что я тебе даровал? Чего ты так хотел? Хе-хе, будь осторожнее со своими

желаниями.

Тебе надоели преграды и неизвестность за ними? Ощущение того, что ты в бесконечном океане тьмы, сожалений и ненависти к себе и окружающим. Почему ты должен жить? Что не дает тебе умереть? Ты желаешь себе смерти? Да, я вижу это по твоим глазам. Я предлагаю тебе нечто совершенно иное – свободу. Хочешь ли ты её? Уверен ли ты в том что хочешь? Полагаю что да. Время заставляет забыть даже собственную речь. Но ничего, ты справишься. Как думаешь, если твой дух – это сердце бури, можешь ли ты стать самой бурей? Свободный подобно ветру... Но есть ли у тебя цель?

Кажется дождь начинается... Заметил грозу? Хочешь стать и ею тоже?

Ты снова очнулся. Твоя реальность – лишь плод воспаленной фантазии и жалкой попытки остаться человеком. Преграды и неизвестность. Обращаясь к прошлому, ты не желал эволюционировать. Убеждая себя в правильности своих поступков, ты помогал не только самому себе. Веришь ли ты в это? Веришь ли ты в нового себя? А в меня веришь? Я перед тобой здесь и сейчас. Хочешь задать мне свои вопросы? Возможно, ты и сам знаешь на них ответы. Позволь тогда лично позадавать тебе наводящие вопросы.

Ты видишь обращенную в твою сторону руку помощи? А мой зловещий силуэт? Может я дьявол? Возможно, для твоих моральных принципов я намного хуже дьявола. Сейчас

я предлагаю тебе жизнь даром. Ты ведь хочешь жить? Правильное решение принял ты или нет – это уже не важно. Очнись вновь...

Ты жив, а вокруг тебя пустота. Или нет? Всё тот же серый мир. Счастлив ли ты? Твоё желание исполнено. Что тебе снова не нравится? Будь осторожней со своими желаниями – они имеют свойство сбываться. Ты живешь, радуешься, грустишь, побеждаешь и проигрываешь, находишь и теряешь, и вот твой час снова настал. Я вновь перед тобой.

Твои зрачки расширены. Перед тобой снова преграды и неизвестность. Жалкие попытки обмануть себя глупыми надеждами. Неожиданно, тьма исчезает. Я ломаю оковы, что сдерживают тебя, также легко, как однажды сковал тебя ими. Ты невероятно благодарен спасителю, но вскоре понимаешь, что просто оказался в тюрьме побольше, чем раньше. Хочешь ли ты больше свободы? Свободы никогда не бывает достаточно, правда?

Я замолкаю, ведь ты знаешь, что делать дальше – у тебя снова появилась цель. Ты ломаешь преграды, познаешь новое и рассеиваешь тьму... Твои руки в мозолях, а ноги стоптаны. Но всё это давно не важно, ведь ты близок к цели как никогда. Вот и тот мир, которого ты так желал. Что-то не так? Ах да, это всего лишь еще одна картина мира. Ты всё ещё в вечной тюрьме. Неужели тебе снова не выбраться?

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ КАНАТА МАКСАТОВА

Будильник вовремя не сработал, пришлось до работы плестись пешком, служебный автобус давно пропустил. Никак не привыкну, как к опоздавшим относятся на КПП нашего предприятия...

– Дуй еще раз! Ты каши мало ел? Набери воздуха, затем еще раз дуй!

– Баб Насть, оставьте его! Видите, морда опухшая? Бухал он определенно! Щас, Канату Максатову позвоним, он мигом решит, что делать с опоздавшим.

– Ты из себя дуй, а не в себя! Нос не дышит? Болеешь, что ли? И что тебе дома не сидится? Вон, в Китае вовсю зараза какая-то ходит. Не дай Бог, чтобы до нас добралась!

Набрать полную грудь воздуха и как следует дыхнуть в алкотестер при входе на предприятие не получалось после ночных приключений. Вдобавок нос отказывается дышать. А медсестре и охраннику, контролирующим вход, лишь бы выслужиться! Да... Не похвалит меня начальник за лишние полчаса рабочего времени, что предстоит потратить на объяснения своего состояния в кабинете у инженера-инспектора.

Канат Максатов – человек со связями, волевой и самоотверженный. За свои внутренние качества он прибывает в авторитете среди знакомых и коллег. А еще, Канат обладает талантом гасить конфликтные ситуации в зародыше. За спиной у Каната были поочерёдно: разряд по боксу, криминальное прошлое и десятилетний стаж работы в правоохранительных органах. Ныне он трудоустроен старшим инженером-инспектором (при отсутствии высшего образования) по технике безопасности на нашем сталелитейном предприятии. По идее, теперь в его обязанности входит неустанный контроль за соблюдением норм производства и охраны труда цеховых рабочих (которые в сознании Каната считались своими), и подрядными организациями (заезжими), проводящими ремонтную кампанию на территории в рамках реконструкции устаревшего оборудования. Но на собственных текущих обязанностях сорокалетний бывший опероуполномоченный не останавливался. И, возможно, по этой причине мне сегодня удастся избежать неприятностей из-за своего болезненного внешнего вида.

Стоит упомянуть, что не всем знакомым Каната так повезло с должностью. Друзья по школе и боксёрской секции, разделявшие с ним ремесло гоп-стопа в лихие девяностые, в большинстве своем, ныне имеют судимости и как следствие проблемы с трудоустройством. По воле фортуны Максатов даже приводов не имел, а к двадцати двум годам и вовсе

остепенился, когда обзавёлся семьёй. После армейки, он пошел в городскую прокуратуру, где обрёл новые знакомства уже на стороне закона. К тридцати годам Канат дослужился до капитана, успев устроить на государственную службу двух своих младших братьев и одного однополчанина. Спустя пару лет, один из младших братьев даже ушел на повышение в комитет.

Имея четкое представление о законе и дворовых понятиях, исходя из своего внутреннего чувства безнаказанности, Канат позволял себе брать взятки, за которые и был пойман с поличным в свои не полные тридцать семь лет. Из уважения к нему, коллеги замяли дело, но попросили покинуть государственную службу. Благо, Канату было где себя проявить.

Полтора года назад на территории нашего сталелитейного предприятия назревал конфликт между акционерами и работягами, по причине износа аспирационных установок (при плавке металла, плавильные цеха насыщались вредными газами, с которыми плохо справлялась изношенная система очистки воздуха). Активисты рабочего класса в считанные месяцы сколотили профсоюз, и чуть было не устроили забастовку. По причинам, которые таким как я, знать не обязательно, предприятие считалось убыточным, и забастовка грозила-бы полным закрытием производства, что не устраивало акционеров.

Будучи человеком со связями, Канат лично взялся разрулить сложившуюся ситуацию. Сначала, при помощи связей в

полиции, он подавил инициативу самых рьяных деятелей самоорганизовавшегося профсоюза, затем благодаря младшему брату из комитета, помог предприятию в внеочередном порядке выиграть городской тендер на реконструкцию аспирационных установок за государственный счёт, так что конфликт в конечном итоге был исчерпан. Собственно, Максатов имел с этого дела и свой куш. Наряду с некоторой денежной премией, он получил должность старшего инженера-инспектора по технике безопасности на сталелитейном предприятии. Расширяя круг знакомств, Канат закрывал глаза на мелкие несоблюдения безопасности труда рабочими предприятия, и регулярно штрафовал подрядчиков за отсутствие огнетушителей при проведении сварочных работ. Впрочем, за определенную плату и по дружбе, Максатов по-прежнему делал то, что получалось у него лучше всего – разруливал конфликтные ситуации.

Обычный день на предприятии не предвещал ему приключений. Придя на работу, Канат произвел обход территории и рабочих мест, пожурил местных работяг, и засел у себя в кабинет строчить предписание на имя директора предприятия «об отсутствии ограждений на местах работы подрядной организации». Поскольку подрядчики были частной организацией, выполняющей государственный заказ, из них было легче всего выжимать копеечку в пользу акционерного общества. Тем более что на носу была свадьба сына Максатова, и ему требовалась кругленькая сумма на покрытие

расходов.

В кабинете было просторно и светло. Видно было, охранник старался выслужиться перед инженером-инспектором:

– Канат, разрешите... Я привел опоздавшего... Зовут: Григорий Мартынов – слесарь третьего разряда. Подозреваю, что он в состоянии алкогольного... – охранник прервал свою речь, заметив поднятый вверх указательный палец Каната.

В кармане пиджака инженера-инспектора вибрировал старенький кнопочный телефон. На дисплее значилось: «Входящий вызов: Баха».

Задумавшись про себя: «кто такой Баха», Канат поднял трубку:

– Кан, выручай, на Жасика наехали!

– Какого Жасика? Ты кто такой? – недоумённо поинтересовался Максатов.

– Как кто? – смутился голос в трубке. – Я Бахтияр, брат Жасулана – мужа вашей сестры. Вы на похоронах нашего отца говорили, что в силах разрешать сложные ситуации.

Канат привык начинать знакомства с окружающими, щедро выставляя напоказ свои достоинства. Однако не всегда представлял круг людей, которые в итоге к нему обратятся. Из-за этого примерно каждый пятый звонок на его телефон поступал либо от незнакомца, либо от дальнего родственника.

– А, всё-всё, вспомнил... А вот Жасик... так понимаю он

меня упомянул в присутствии налетчиков? Что стряслось?

– Жасулан брал в долг крупную сумму у одной конторы. Полгода назад он погасил заем, но тут явились коллекторы – требуют какие-то проценты. На вопрос, «Под кем ходит», ответил, что под вами. Так что коллекторы прям щас ждут вас на «пообщаться».

– Диктуй адрес.

Записав быстро адрес на клочке бумаги, Канат ответил: «Через полтора часа буду» и положил трубку. Секунд десять он просидел в кресле уставившись в стену, вероятно, прикидывая дальнейшие действия. Затем обратился ко мне:

– Григорий, твои коллеги говорят, что-ты джуджитсу знаешь.

– Джиу Джитсу – поправил я Максатова, за что получил тычок в бок от охранника, – Только я не совсем в форме сейчас.

– Не парься, побудешь массовой – ответил Канат, затем обратился к охраннику: Жанарыс, будешь за баранкой, и в гражданское переоденься. У мужа сестры братишки проблема, нужно сейчас по адресу съездить вместе со мной. Считайте, что сегодня у вас двоих отгул.

Затем Канат набрал внутренний номер по предприятию на стационарном телефоне и заказал оперативку:

– Галина Иванна, здравствуйте... Это Канат беспокоит... Да, не забыл, фотографии на пропуск принесу завтра... Галина Иванна, подскажите, у нас фургон свободный есть? Хо-

рошо, вернём фургон к вечеру. Понял: в гаражных боксах... Что-что, а Жанарыс умело управлялся с фургоном. Ехать пришлось через весь город в частный сектор. Время было к обеду, и на дорогах то и дело возникали пробки. Поэтому порой приходилось срезать через дворы. Дорога заняла чуть больше часа. Я сидел в кабине с водителем и по нашему импровизированному сценарию, вышел первым и приоткрыл дверцу фургона, из которой вышел Канат. Благодаря тому, что Фургон был тонированный, создавалось впечатление, что мы с собой целый отряд привезли, хотя приехали втроём.

Коллекторы уже наблюдали за нами из окна, и кажется, беспокоились. Налётчиков было четверо, Жасик был рядом с ними, привязанный к батарее, его жену (сестру Каната), заперли в ванной комнате.

– Ну вы тут устроили девяностые... – констатировал Максатов, зайдя в апартаменты. – Кто из вас старший?

Держась чуть на расстоянии от Каната, в апартаменты вошел и я. Из соседней комнаты вышел человек со шрамом во всю правую щеку. Поначалу он сохранял суровое выражение лица и боевой настрой, а потом не выдержал и засмеялся... Максатов сначала не понял в чём дело, а потом тоже признал в главаре коллекторов бывшего одноклассника.

– Санжар! Умеешь ты кашу заварить! – рассмеялся Канат и подался вперёд поприветствовать давнего знакомого. – Не знал, что ты вернулся в город. Вот так встреча!

– А мы тут списки у одной конторки подрезали, ездим по башлёвым заёмщикам. Нынче выгодней наезжать на тех, кто долг отдал, нежели на тех, кто отдать не может. – раскрыл карты Санжар.

– Не понимаю, как ты дожил до своих лет при таком образе жизни? Где остановился?

– Всё по фарту, сам понимаешь... А остановился на нашем районе. Тоска по родным местам меня как мясорубка перекрутила, пока по этапу ходил. Благо свобода по УДО, и я за старое взялся. А как иначе?

В свое время Канат тоже иначе жить бы не смог, но однажды в его жизни появилась заботливая Жансая, которая спустя год подарила ему сына. И с беспределом следовало завязывать.

– Ну, ты поднялся! – продолжил Санжар. Не уж то армию с собой привез?

– Да не, фургон пуст. Только водила в кабине, – раскрыл в свою очередь карты Канат, – Помнишь, как раньше: на моторе на точку подъехать в крутом вираже... Эх, были времена...

– Слушай, а тот вагончик на чугунке еще работает? Поехали туда забуримся, как в школьные годы, посидим, прошлое вспомним.

– На месте, что с ним будет... Жасика от батареи отстегни, а то ты его уже до седины напугал. Забудь вообще дорогу сюда. Если еще какие предъявы будут, через меня решай. –

ненавязчиво пригрозил Канат.

– Оп, грозный Кан в угоду дам заботлив и румян... – напел Санжар отстёгивая Жасика от трубы, затем обратился к освобождаемому: – Да, повезло тебе с ангелом-хранителем. Еще чуть-чуть и мы бы тебя на ремни пустили... Ну, бывай!

И со словами «Пойдём, фургон посмотрим» Санжар вместе с бандой покинул апартаменты. Жасик бросился к ванной, освобождать и обнимать заплаканную жену (сестру Каната):

– Всё хорошо... Они ушли. – успокаивал жену Жасик.

Затем, Канат позвал Жасика в соседнюю комнату, переговорить, и похоже, навешал ему пару наставительных тумаков, за то, что тот своевременно не оповестил Максатова о шантажистах и подставил под удар семейное гнездо. Далее телефон Максатова завибрировал – звонил Жанарыс, жалуясь на бандитские щелбаны от парней Санжара. Оставлять бандитов наедине с служебной оперативкой было опрометчиво, посему мы тоже поспешили к фургону.

Вагончик на улице «Чугунной» когда-то был вагоном-рестораном из железнодорожного состава. Спустя половину века эксплуатации, его списали в собственность местного предпринимателя и с тех пор он уже не колесил по стране. По сути теперь он являлся пабом, куда мы всей толпой поехали отмечать неожиданную встречу двух друзей – Каната и Санжара.

По приезду в вагончик, Максатов отпустил Жанарыса, поручив вернуть служебный фургон на предприятие. Выпив две кружки пива на рыло, бандиты с Канатом перешли к напиткам погорячее. Я же не пил, ибо был убеждённым трезвенником. Собственно, поэтому Максатов и хотел, чтобы я остался с ним, и после попойки довел его до дома, что находился в двух кварталах от вагончика.

Казалось, криминальным байкам не было числа!

Спустя четыре часа бравых разговоров о беспредельном прошлом, попытки подражаться с официантом и трёх выкуренных сигарет, Каната развезло окончательно. Одного из бандитов тоже подкосило, и мы приняли решение закругляться. Я чувствовал себя чужим в этой компании, но как никогда необходимым инженеру-инспектору.

Попрощавшись с Санжаром, мы откланялись. Смеркалось.

Я провожал Каната дворами, чтобы не светить инженера-инспектора на оживленных тротуарах в нетрезвом виде. Не хватало нам еще нарваться на тройняшек! Тройняшками у нас в городе было принято называть полицейские патрули военизированного типа, состав которых обычно исчислялся тремя рядовыми. Тем более на носу был Наурыз, а в предпраздничное время по городу было обычным некоторое усиление строгого режима.

Сумерки вечера надежно укрывали нас от зевак, а свет из окон многоэтажек освещал тропу до дома Каната. Где-то к середине пути на Максатова накатило раскаяние, и он в голос материл себя за всё-про-всё – на инженер-инспектор явно бредил. Между бредовых речей Каната, для меня было откровением узнать, что помимо пожаротушительного средства, огнетушителем еще называют прилюбопытнейший бойцовский приём в ходе которого оппонента опрокидывают вниз головой об землю, так что хрустят верхние позвонки и изо рта бедолаги извергается кровавая пена.

У подъезда, ведущего в квартиру Максатова, распивали пиво подростки. Студенты железнодорожного университета после занятий повадились кучковаться по дворам в подобные стайки, и частенько засиживались допоздна. Когда мы проходили мимо, один из студентов обронил неуважительное словцо, которое взбеленило Каната, и он попытался разогнать молодёжь кулаками. К нашему несчастью, трое из пяти студентов оказались борцами. Завязалась драка.

Двоих я уложил без проблем, но один из борцов успел применить удушающий приём Канату, так что инженер-инспектор успешно задремал. Собственно, отключка Максатова заставила студентов запаниковать. Еще силы уравнил подоспевший на помощь нам, сын Каната, который тоже занимался боксом. Он помог разогнать студентов, и шлепками по щекам разбудил отца.

Чуть позже из подъезда вышла Жансая и стала бранить

мужа за злоупотребление алкоголем. Меня поблагодарили за сопровождение инженера-инспектора, и пригласили в гости на чай, но я решил отказаться. Тактично откланявшись, я удалился домой – отдыхать, тем более что жил на другом конце города.

Позже по нашему сталелитейному предприятию ходили слухи, что в тот день у инженера-инспектора была бессонная ночь – он писал объяснительную прибывшему по звонку соседки, участковому, описывая ситуацию о перепалке со студенческой шантрапой в двух словах: отключился от чрезмерного принятия спиртных напитков. Участковый обязался взять дело под контроль, но от Максатова отстал, тем более что студенты были явно не в том месте не в то время.

Сам же Канат любил рассказывать о своих приключениях в дружном рабочем коллективе, описывая случившееся почти так как оно и было. Впрочем, люди плохо знающие инженера-инспектора, считали его рассказы пустым трёпом и хвастовством, я же знал, что всё рассказанное на восемьдесят процентов правдиво... Ну или процентов на семьдесят.

АЛАЯ ПТИЦА

– Эй, погоди! Эйвис! – окликнул охотник.

Она замерла, настороженная, готовая, казалось, броситься бежать. Он нагнал ее:

– Ты где была?

В лесу. Утром на городской площади сожгли ведьму, и Эйвис сбежала, лишь бы только не видеть этого изуверства. Но крики несчастной все равно преследовали ее: она слышала их в голосах птиц, в шуме разбуженной ветром листвы, в треске сушняка под ногами.

Сизые тучи лежали на небе неровно, как растрескавшаяся краска на старой картине. Они обещали скорую грозу, и природа замерла в напряженном ожидании, но ни одна капля не упала на землю. Эйвис собирала вайду. Бережно срезала цветы и листья ножом, а взамен, закопала в землю прядь своих волос. В благодарность духам. Совершая этот простой ритуал, девушка то и дело прислушивалась, оглядывалась: не крадется ли кто, не следят ли из глубоких теней внимательные глаза. Ей слышался шорох, и она оборачивалась, но это всего лишь заяц промелькнул в зарослях папоротника или камыш перешептывался на берегу ленивой речки. Куда делся тот покой, который дарила ей прежде лесная сень?

Но нельзя век прятаться среди теней. Ей пришлось воз-

вращаться. Городок притаился в низине. Серые дома, как стадо барашков, жались друг к другу, будто искали защиту от окружающего леса. Над площадью поднимался дым – костер, на котором сгорела старуха Селандин, догорал, и ветер носил пепел по узким улицам и швырял его в открытые окна.

«Я невидимка, – повторяла Эйвис, шагая к дому, – я невидимка».

Но она не была невидимкой. Напрасно она носила только серое платье, надеясь, что как лягушка-древесница сольется с пасмурными улицами. Она убирала волосы под косынку, но курчавые медные пряди упорно рвались из плена. Она прятала глаза, но опущенные ресницы, похоже, лишь разжигали любопытство – что таится под этим черным кружевом?

Охотник навис над ней, огромный, как медведь.

– Что ты там собрала? – спросил он, и, не дожидаясь ответа, заглянул в корзину, которую девушка держала в руке.

– Это просто вайда, – ответила Эйвис тихо, и стиснула плетеную ручку, да так сильно, что камыш заскрипел в ее пальцах, – корзины покрасить.

– Не стоит ходить в лес, – сказал охотник. – Там опасно. К тому же, одинокая женщина, собирающая в лесу невесть что, выглядит... подозрительно.

– Мне нужно из чего-то делать краску.

– Как называется этот узор? – он провел большим пальцем по ободку ее корзины.

– Крылья.

– А у тебя есть крылья, Эйвис? Клянусь, иногда я вижу их у тебя за спиной. Как у ангела. Вот что, если тебе нужно собрать травы, позови меня. Я провожу.

– Будешь моим надсмотрщиком?

– Твоим защитником.

Тут она подняла голову и встретила его взгляд. Он выволок из дома Селандин. Она видела собственными глазами, как он и его бравые товарищи тащили на казнь беспомощную старуху. За то, что прикармливала кошек, и те ластились к ней. За то, что родилась с уродливым пятном на лице.

– Спасибо, – сказала Эйвис бесцветным голосом, – где еще я найду защитника отважней?

И пошла прочь, не оборачиваясь. Весь остаток дня она работала: вынесла из сарая охапку сухого камыша, разложила и полила водой, чтобы размягчить. Она переплетала раскрашенные нитки со стеблями, и одна за другой сизоворонки и кардиналы раскрывали на ее корзинках крылья.

Когда стемнело настолько, что она перестала различать краски, Эйвис убрала камыш, зажгла свечу и поднялась на чердак. В открытое окно она наблюдала, как гаснет день. Как засыпает город. Костер на площади догорел, и ветер унес последние клочки дыма. Эйвис развязала передник и сбросила его на пол. Стащила с головы платок и отпустила волосы на свободу. Расправила плечи и полной грудью вдохнула ночную прохладу. Трудный день миновал, а ночь – это ее время. Она почувствовала, как меняется тело: уменьшается,

покрывается перьями, наливается силой. Темнота – вечная союзница.

Красной птицей Эйвис взмыла в небо. Воздушный поток бережно подхватил ее и увлек за собой. Мир теперь виделся ей иначе. Ничто не нависало угрожающе, ничто не сжимало и не теснило. Ветер, ее добрый друг, разогнал тучи, и сияние звезд смыло с перьев Эйвис остатки дневных страхов. В траве засияли жемчужины – это ночные фиалки, проснулись и раскрыли лепестки навстречу луне.

А что ее городок? Какой же крошечный! Сжался со страху далеко внизу. Ну и пусть пока остается. Ее ждала свобода, и звезды, и безбрежная прекрасная ночь.

ГЕРОЙ ИЗ НАРОДА

Замок Красавицы стоял на высоком холме, к северу от нашей деревни. Даже в погожие дни небо над ним было тяжёлое, свинцовое. Высокие шпили приманивали молнии. Вокруг, за черными коваными воротами, непроходимой стеной разросся терновник, с шипами длинными и острыми, как кинжалы...

То еще местечко, в общем. Замок этот – обитель древней принцессы, уколотившей палец о веретено, и уснувшей зачарованным сном. Говорили, что разбудить красавицу может лишь поцелуй. Немудрено, что была куча желающих попытать своё счастье: от рыцарей в сияющих латах до пропахших овцами пастухов. Такой уж мы народ мужики – вокруг полно баб, так нет, нам подавай непременно ту, что за терновыми зарослями дрыхнет вечным сном! Ни у кого, впрочем, из этой затеи ничего не выходило. В лучшем случае, они возвращались ни с чем, поободравшись об терновник, униженные и павшие духом. В худшем – их кости остались белеть среди колючек, как зловещее предостережение всем отчаянным дуракам.

В ту пору в деревню нашу всякий народ приезжал: мейнстрели, сказители, подмастерья, отправившиеся в свой wanderjahre, да и просто бездельники. Каждый из них при-

возил с собой кучу историй, песен и сплетен со всех концов света, и наш брат их все жадно проглатывал. Но пока мои сверстники мастерили деревянные мечи и гоняли по деревне поросят, я мечтал о настоящих приключениях. Я хотел биться с драконами и отгадывать загадки сфинкса и пересекать пропасти по лезвию гигантского меча. Этим я и занимался в своих грезах. Наяву я, увы, вкалывал на кухне, в деревенском трактире. Сижу, бывало, драю котел, а сам воображаю, как иду по хлипкому мостику над бездонным оврагом. Ветер в ушах свистит, доски под ногами скрипят так, что, кажется, вот-вот сломаются и... тут мне кухарка поварёшкой по лбу как треснет и как заверещит прямо в ухо: «Опять в облаках витаешь, бездельник!».

Ну, вот так, в общем, я и жил, пока к нам в трактир не пожаловал необычный гость. У незнакомца была черная борода, такая тонкая, что казалась нарисованной на его смуглом лице. Одет он был в самый дурацкий наряд, какие мне только доводилось видеть: куртка, вышитая золотой нитью, тюрбан и широкие штаны с бубенчиками на щиколотках. И ткань такая, переливающаяся. Вся деревня сбежалась на него поглазеть.

«Из-за моря приплыл, видать», – решили все.

Так и оказалось. Иноземец прибыл к нам из далёкой страны с одной лишь целью – разбудить принцессу, но в дороге тяжело заболел, и едва переступив порог трактира, рухнул без чувств. Три дня пролежал в бреду, а я сходил с ума от

любопытства и под любым предлогом околачивался рядом – то поленьев в камин подкладываю, то воды принесу, то еще что. Временами, приходил наш гость в себя, и тогда я его потихоньку расспрашивал, кто он и откуда и как собирается через терновник пройти и не нужен ли ему оруженосец. Нет, оруженосец ему нужен не был, а чтоб через терновник пройти, он с собой из-за моря факел с волшебным пламенем привез.

«Так ты маг, значит, – присвистнул я. В трактире много всякого народу ошивалось, но магов среди них еще не было, – Вот это разговор! Не то, что эти неучи! Ну, главное теперь поправляйся скорее, и принцесса уж как пить дать твоей будет».

Но болезнь оказалась сильней, и спустя три дня бедолага помер. Я огорчился сперва, а потом подумал: «А что если я вместо него пойду и освобожу принцессу?»

Порылся я тайком от всех в вещичках Мага, отыскал факел, завернутый бережно в шелковый платок. Ему он теперь без надобности, так почему бы нет? И дело тут было даже не в самой принцессе, а в признании. Поглядите, мол, сколько народу пыталось, а он – мальчишка с кухни! – смог. Я же всю жизнь только такого шанса и ждал! В общем, недолго думая, я прихватил факел и рванул к замку. Подошел к воротам и протиснулся между прутьями. Заросли терновника так переплелись, что мышь не проскочит. Поджег я тогда факел. Вспыхнуло синее пламя, ярко-ярко, и – поди ж ты, сработа-

лю! – терновник задвигался и чуть расступился, пропуская.

Двинулся я вперёд, меж колючек. Не обычный это был терновник. Я кожей чувствовал, что он – живой. Как зверь, ждущий момента, чтоб напасть и порвать меня на части. Его шипы тянулись ко мне, рвали одежду и оставляли на коже глубокие царапины. Чем дальше я шел, тем беспокойней он становился: лязгал шипами-клинками и гремел костями тех, кто пытался пройти здесь до меня. Но я не слушал: стиснул зубы и поднял волшебный огонь повыше, как герои из моих любимых легенд.

Когда терновник остался позади, я потушил факел. Передо мной были открытые двери замка, и я вошел. Просторный холл был пустым и холодным, как склеп. Замок совсем обветшал. С картин и фресок осыпалась краска. Ковры и гардины превратились в труху.

Пошатавшись немного по пустым коридорам, я нашел принцессу в круглой комнате в башне. Бледная и худая, она лежала на кровати, под балдахинном, который рассыпался в прах, едва я к нему прикоснулся.

Уставился я на неё, а что делать дальше – не знаю. Как будить? Целовать её – нет уж, увольте! Ей же лет триста, а то и больше! Больно оно мне надо, со старухой целоваться! Но если нет, то, что делать? Не зря же я сюда притащился.

«Назвался груздем, так полезай в кузов», – говорила моя покойная мамаша.

Ну, я и полез. Нагнулся и клюнул принцессу в щёку. Спер-

ва мне показалось, что ничего не вышло, но затем она вдруг шевельнулась, и я с перепугу отскочил. Вжался в стену, и наблюдал, как она приходит в себя: открывает глаза, ресницами хлопает.

Вот как, оказывается, чудеса-то выглядят! Я даже ущипнул себя украдкой, вдруг, думаю, сон. Нет, не сон! Всё взаправду! Разбудил я её! А раз так, ну чем это не знак? Что мне и впрямь великие дела уготованы? И тут же я решил про себя, что в трактир больше не вернусь. Не годится такому славному герою у кухарки на побегушках быть!

Оставалось только с принцессой разобраться. Раз я её разбудил, значит, за неё вроде как отвечаю, рассудил я. Грустно ей, бедняжке, придётся, совсем одна на белом свете осталась. Может в трактир её устроить работать, а?

БЕЗМОЛВИЕ

Мы ехали по практически безлюдной дороге. Было жарко. В нашей машине не было кондиционера. Мы открыли окна, но воздух, поступающий через них, не приносил облегчения. Макс сказал, что будет гроза. Скорее всего... Соглашаться или нет, да и высказывать по этому поводу свое мнение мне было лень.

Сидя возле водителя, я пребывала в том дремотно-задумчивом состоянии, что обычно навеивается жарой и долгой монотонной дорогой. В тот момент я думала о Максе. Он был старше меня. Когда-то давно мы были близки. Не так близки, чтобы о нас можно было писать роман вроде «Лолиты», но Макс был моей первой любовью, и тем – самым близким мне человеком, когда мне было всего шестнадцать лет. Конечно, я старалась сделать из этой любви страшную тайну, но он все знал. Знал и был снисходителен. Его советы всегда помогали. Его плечо всегда было рядом. Потом он предал меня. Женился на ней. Имени я уже и не помню. Брак продлился не больше года. За это время я успела вырасти и простить «предательство». Но все это было давно и не важно. Теперь я не испытывала к Максиму ничего. Совершенно ничего. И, тем не менее, сейчас я была рада ехать вместе с ним в машине.

Мы направлялись в деревню, где в детстве он проводил

каждое лето. Цель наша была не из самых приятных. Впрочем, ничего дурного тоже не было. Замена памятника его родителям на кладбище. Мне просто было по пути, ведь Макс обещал провести в этом отдаленном месте не больше дня, а потом завести меня на конференцию по работе. Тратить свои деньги на бензин, а силы на вождение не хотелось, и я охотно согласилась поехать с ним. Вот и все.

Так мы и ехали в деревню. Все дальше и дальше от цивилизации, пока даже электрические столбы не превратились в редкость, а парящий асфальт дороги не сменился поросшими камнями.

К вечеру, как и ожидал Макс, началась гроза. И в довершение всех злоключений, старенькая машина Макса приказала долго жить. Под проливным дождем, он вышел покопаться в капоте. Успехов это не принесло. Тогда Макс открыл дверь машины, и сказал мне выходить.

– Я не собираюсь идти десять километров по такой погоде! – запротестовала я.

– Мы и не пойдем. Опомнись, мы ведь уже на месте! Давай же, вылезай!

Я огляделась. За проливным дождем и вправду проглядели домики.

– У меня есть плащ, – подтолкнул меня к выходу Макс.

– Ладно, уговорил, – вздохнула я, и, накинув пластиковый пакет, именуемый дорожным плащом, поплелась вслед за ним по дороге.

Скоро перед нами предстал большой деревянный дом.

Семья Макса любила эти места. По его рассказам, они оставались здесь дольше других, и уезжали лишь поздней осенью, иногда пренебрегая школьными занятиями своих двоих детей. Потому и дом, в котором они жили, был большой, добротный – на все сезоны.

– А вот и вместилище твоих счастливых детских воспоминаний, – сказала я, вставая под сень крыльца.

– Можно и так сказать, – пробормотал Макс, нашаривая под одной из ступенек ключ.

Войдя, я порадовалась, что места здесь столь отдаленные.

В «цивилизации», от дома не оставили бы и следа уже в первый год его опустения, а так мы вошли в пыльное, но уютное помещение, имеющее, как я потом убедилась, все необходимые для жизни приспособления.

Едва мы вошли, Макс сразу же нашел свечи, зажег их, и дом предстал передо мной еще более дружелюбным и уютным.

– Наверху есть ванная. Надеюсь канализация еще работает, – пробормотал Макс, – Я нагрее тебе воды.

– Здесь есть ванная? – восхитилась я.

– Да. Это же был дом для всех сезонов.

Ответы Макса всегда были лаконичны. Его действия быстры. Он затопил печь. Согрел воды. Я быстро обсохла и пришла в себя.

– Уже поздно. Тебе лучше лечь в моей старой комнате, –

предложил Макс.

– А ты? – поинтересовалась я.

– Лягу внизу.

Я бы удивилась, ведь дом был большой, и наверняка имел несколько комнат наверху, но я так устала, что это меня уже мало интересовало.

Утром все еще бушевала ненастная погода.

– Черт, черт, черт, – подумала я, лениво вытягиваясь в кровати, – Однако, можно не торопиться вставать, и это плюс...

Комната Макса была небольшой, и полностью заставленной разными предметами. Тут попадались и книги, и непонятно откуда взявшийся антиквариат в виде дорожных сундуков, и большое пыльное зеркало, был даже глобус... Все эти вещи явно не принадлежали ему, ведь я ожидала увидеть удочки, снасти и прочие мальчишеские штучки... Похоже, я знала Макса не так хорошо, как думала.

Со своими впечатлениями, я вышла в коридор. Пять дверей вели к разным комнатам. Одна – в ванную, как мне уже показал Макс, одна – к нему, две – я не знала куда, и последняя – в самом конце – была заколочена.

– Макс! Макс! – позвала я, – Мне бы полотенце и зубную щетку из машины!

Никто не ответил. Я спустилась вниз. Там уже стояла моя дорожная сумка, но Макса нигде видно не было.

– Макс?! Где ты, черт подери? Не так уж и вежливо оставлять меня здесь одну!

Ответа так же не было. Раздраженная я пошла на кухню, споткнулась и упала. Послышался крик. И не только мой. Оказалось, что Макс, после того как оставил меня отдыхать, сбегал еще раз к машине, принес все вещи, еще подтопил печь и улегся спать на старый матрас, притащенный с чердака. Естественно, предупредить меня о том, что он будет спать на кухне он не смог, и вот плачевный результат – я споткнулась о Макса.

– Прости, – захихикала я.

– Да-да, очень смешно, – отозвался Макс.

– Нет, правда прости. Не думала, что ты спишь здесь.

– А где еще мне спать? – Макс все еще был раздражен.

– Там наверху, по меньшей мере еще три спальни.

– Две спальни и еще одна ванная – поправил он.

– Вот, если ты это так хорошо знаешь, то мог бы спать в одной из них.

– Нет спасибо, я не сплю в комнатах мне не принадлежащих, – буркнул Макс.

– Но это же твой дом! – бурно возразила я.

– Дом-то мой, но комнаты – родителей и сестры. Я не хочу там спать.

Я притихла. Иногда, за своим собственным эгоизмом, мы забываем о других людях.

Родители Макса умерли когда ему было четырнадцать лет.

Сестра – еще через год. Наверное, было грустно спать в их комнатах.

Чуть позже мы с Максом выпили чаю, он рассказал мне немного о здешних местах, и начал собираться на кладбище.

– Тебе обязательно идти туда и ставить памятник в такую погоду? – спросила я, глядя на ливень за окном.

– Я обещал тебе задержаться здесь всего на день, и не отступлю от своего слова, – улыбнулся Макс.

– Да, но если ты заболеешь и простудишься, то кто будет вести обратно машину?

– Какая трогательная забота. И что ты предлагаешь?

– До конференции еще несколько дней. Мы вполне успеем доехать.

Макс уныло посмотрел за окно, и вынужден был со мной согласиться. Поход на кладбище решено было отложить до завтра, а пока мне было предложено осмотреть дом.

На первом этаже находилась кухня в самых лучших традициях старины: с огромной печью, уютный и теплый. Я с удовольствием села на диван и принялась было читать книжку, но слегка встревоженный вид Макса отвлек мое внимание.

– Что-нибудь не так? – спросила я.

– Ты ничего не услышала? – было его ответом.

– Нет.

На лбу Макса проступили морщинки.

– А что я должна была услышать? – поинтересовалась я.

– Да так, ничего, лишь ветер за окном.

На этом инцидент был исчерпан. Остаток дня прошел для меня в неге и дремоте возле теплой печки, после чего я снова ушла на ночлег в комнату Макса. Но после целого дня дремы, заснуть никак не удавалось, и я решила спуститься вниз за стаканом воды и чем-нибудь усыпляющим.

Макс, к моему удивлению, тоже не спал.

Вернее нет, то, что он не спал, мало бы меня удивило, но его способ борьбы с бессонницей был странен.

Я застала его сидящим на полу, сложив по-турецки ноги, и глядящим куда-то в потолок.

– Макс!?! – окликнула я его.

– А!?! – он не сразу оторвался от своего занятия.

– Что ты делаешь?

– Думаю, наверху завелись крысы. Слышишь, как они копошатся?

Меня передернуло.

– Хочешь выселить меня из своей комнаты? – спросила я.

– Нет-нет, – засмеялся Макс, – Просто мне почудились шорохи наверху. Вот и все. Хочешь чаю с мятой? Я нашел засушенный листья в шкафу...

Утром все так же лил дождь.

– Думаю, мне лучше пойти хотя бы посмотреть место, – предложил Макс, и, одевшись так быстро, что я не успела его

отговорить, он вышел на улицу.

Вернулся Макс лишь через пару часов. Весь мокрый и с каким-то старикашкой.

– Сейчас, я принесу денег, – пробормотал он гостю, направляясь к сумке, в которой оставил кошелек.

– Я договорился, что памятник поставят за меня, – сказал он мне, Я лишь оставляю его и денег за работу, и мы сможем ехать.

– А ты уверен, что деньги не пропьют вместо работы?

– Тут негде пропивать, – ответил Макс, – Черт, немного не хватает.

Он снова выбежал на улицу. Видимо к машине, где могла храниться еще записка.

Старик, пришедший вместе с ним, тем временем все ухмылялся и смотрел на меня маленькими хитрыми глазками.

– Приехал, значит, наш Максимка к родителям, – наконец сказал он, – А то они, небось, соскучились...

Мне стало не по себе: никогда не любила, когда о покойных говорили в настоящем лице.

На пороге снова появился Макс. В руке он держал пачку денег, которую и протянул старикану.

– Спасибо, Максимка, все сделаем, как ты просишь, – сказал тот, – А ты, смотри, не раздосадуй родителей...

Максим, и без того бледный после дождя и холода, стал каким-то зеленым.

Когда после ухода старикана, я попросила его объяснений,

он лишь отмахнулся.

– Местные глупые суеверия...

Все же, я не собиралась сдаваться, и вечером снова подняла эту тему.

По всему было видно, что Максиму не очень приятно говорить об этом, но то немногое, что я смогла выудить, дало мне в дальнейшем хороший повод к размышлениям.

– Это маленькая деревня, – сказал он, словно оправдываясь, – Здесь люди годами могут обсуждать некоторые вещи. Старик лишь намекал на мои разногласия с родителями. Это было незадолго до их смерти. Они хотели, чтобы я остался и учился в небольшом университете ближайшего городка. Я же хотел в столицу. Видишь, мелкие разногласия. А люди раздули из этого не пойми что...

Он замолк и посмотрел на потолок.

Я же попыталась вспомнить, когда в первый раз узнала Макса.

Оказалось, что прошло более пятнадцати лет...

Тогда он был университетским другом моего брата и жил у своей тети, в большом городе, как, видимо, и мечтал. Родителей его уже не было в живых...

Ночью мне не спалось. От недостатка усталости, на ум приходили различные бредовые мысли, которые суммировались к услышанному днем, и подозрениям Макса о том, что в доме водятся крысы... И вот уже среди порывов ветра мне начало слышаться какой-то потустороннее шуршание. Каза-

лось, я лежала и прислушивалась к нему где-то с час, но под конец была не в силах этого более выдержать. Накинув халат, я стремительно побежала вниз – возможно Макс тоже еще не спит, и сможет меня успокоить, но увиденное мною никак не придало уверенности. Точно так же, как и предыдущей ночью, Макс сидел, сложив под собой ноги, и пялился в потолок. Вид у него при этом был напряженный, и мне показалось, будто он и сам прислушивается к чему-то. Но это что-то явно не относилось к живым звукам, так как на мои шаги он даже не отреагировал.

– Ты в порядке? – спросила я, машинально остановившись, и не дойдя до Макса буквально несколько шагов. Тот вздрогнул, и посмотрел на меня словно человек, которого только что вывели из состояния глубокого сна.

– А... извини. Просто никак не могу выкинуть кое-что из головы.

– Что именно?

– Это смешно и глупо, – попытался улыбнуться Макс.

– Говори, я не буду смеяться, – серьезно ответила я, так как во всем виде Макса чувствовалось, будто ему действительно надо поделиться чем-то очень важным.

Я подошла к нему поближе и тоже села на пол.

В этот момент Макса словно прорвало.

– Впервые это предположение высказала моя сестра. Знаешь, когда мы были еще детьми, то часто слышали, как родители разговаривают в своей комнате. Они любили по ве-

черам обсуждать различные проблемы, строить планы на будущее. Иногда мы подслушивали под дверь: было приятно слышать их тихий шепот. А когда они умерли, моя сестра сказала, что до сих пор может слышать, как они шепчутся по вечерам в своей комнате. По началу это было даже приятно: словно частичка родителей осталась с нами, но потом... Моя сестра начала действительно верить своим словам. Мысль о том, что где-то там, за дверью, ее родители каждый вечер шепчутся между собой, настолько укоренилась в ее сознании, что она начала рассказывать мне про их «диалоги». Она говорила, что они часто обсуждают нас... Потом ей стало хуже. Доктора сказали, что это какая-то болезнь мозга, и все же... Неприятно.

Макс пожал плечами.

– Вот сейчас я и сижу, слушаю...

По моей спине пробежал холодок.

– Ты думаешь, она была права?

– Нет-нет, что ты! – неестественно резко и активно отозвался Макс, – Просто все хочу понять, что натолкнуло ее на такую мысль. Сейчас дом действительно шумный: порывы ветра, все эти мыши, звук дождя... Похоже, у бедняжки были свои причины...

Макс нес бред. Это было абсолютно точно. Вопросом оставалось лишь то, насколько он сам во все это верил. Лично я не верила ни капли. По крайней мере, так я думала, пока не пошла снова спать. Там, в полной темноте, окруженная

чужими мне вещами и звуками дождя, смешивающимися с завыванием ветра, мне тоже начали чудиться странные голоса. Будто тихий шепот, доносящийся откуда-то из-за закрытых дверей. Слов было не понять, да их и не было. Лишь игра больного воображения, возбужденного рассказом Макса.

И все же я снова встала с постели, накинула свитер, и спустилась вниз. К моему облегчению, Макс спал на диване. Застань я его по прежнему бодрствующим, то, возможно, и мои нервы накалились бы до предела, но ничто не успокаивает так, как вид другого спящего человека. Макс перевернулся на другой бок, и пробормотал что-то о том, как хочет отсюда уехать. В этот момент он был ужасно мил, как плюшевый мишка, и я, дав волю эмоциям, легла рядом. Очень скоро я тоже уснула.

Утро застало меня одну.

Дождь слегка утих, и я, уставшая от четырех стен, накинула плащ и вышла на улицу.

Едва я ступила на свежий воздух, как почувствовало некое облегчение. Будто дом, незаметно для меня самой, давил на меня со всех сторон, медленно и верно сужая стены, пока те не сомкнуться и не похоронят меня, а теперь я полными легкими снова вдыхала свободу. Ощущение это было столь мимолетным и чуждым всему, что я когда-либо чувствовала, что я тут же стряхнула его, испугавшись своих ассоциаций, и пошла искать Макса. Тот копался в машине.

– Как дела? – спросила я его.

– Отлично, ночная гостья, – ответил Макс, улыбаясь.

– Есть шансы уехать сегодня? – вырвалось у меня с неожиданным энтузиазмом.

– И не плохие, – ответил Макс.

Он продолжил чинить машину, а я, постояв рядом, и не найдя чего еще сказать, решила прогуляться по деревне.

Весьма странное решение в подобную погоду, но мне отчего-то ужасно не хотелось возвращаться обратно в дом.

Я высказала свои намерения Макс, и тот кивнул в ответ. Когда я удалялась, он крикнул мне в след, чтобы я не бродила слишком долго.

Просьба эта была не оправданной. Деревенька, в которой жила некогда семья Макса, была крохотной. Я не смогла бы потеряться в ней, или найти хоть что-то занятное, при всем моем желании, и все же, внимание мое было привлечено копошением местных жителей у какого-то невысокого серого забора. Подойдя ближе, я узнала старикашку, с которым Макс вчера договаривался об установке памятника. Тот показывал всем небольшой серый камень.

– Поглядите, какой паршивец! Ведь ни словом ни духом, а тут бац – и эту штуковину притаскивает! И когда – ровно пятнадцать лет прошло!

Я подошла еще ближе.

Несмотря на то, что я сопровождала Макса в дороге, надгробный камень он мне не показывал. Теперь же мне стало необычайно любопытно, но, вместе с тем, и страшно смот-

реть.

Небольшой, серый, камень содержал лишь имена, даты и краткую надпись. «Покойтесь в безмолвии».

Я встряхнула головой.

Не столько я была знатоком таких вещей, но мне всегда казалось, что должны писать «покойтесь в мире».

– А вы та девушка, что приехала вместе с Максимкой? – внезапно обратился ко мне кто-то из собравшихся.

Кивком, я дала знак согласия.

– Ой, в нехороший дом он вас привез. Ой в нехороший!

Это трепетала маленькая и сморщенная бабка. Из тех, кто всегда что-то бормочет. Но в этот раз я склонная была поддаться панике. Потому, как можно быстрее, поспешила обратно в дом.

На улице возле машины Макса уже не было.

Я вошла в дом.

Дождь всюду хлестал по окнам, и бился об железную крышу. Завывал ветер. От этого дом был наполнен разнообразными звуками.

Мне стало не по себе.

– Макс! Максим! – окликнула я.

Ответа не последовало.

Я пошла в гостиную на первом этаже, но не нашла там ничего, кроме скинутой мокрой куртки.

Тогда я поднялась выше.

Макс сидел в коридоре второго этажа, прислонившись к

заколоченной двери. По лбу его стекали капли дождя и пота. В глазах лихорадочный блеск.

Вопрос все ли в порядке застыл на моих устах. В порядке ничего не было...

– Они очень недовольны мною, – заявил Макс, поворачиваясь в мою сторону.

– Макс..., – я медленно, очень медленно пошла к нему.

– Они всегда хотели, чтобы я оставался здесь. Учился в ближайшем городе и приезжал как можно чаще. А я тогда не видел здесь будущего. Зря. Теперь я вижу, что здесь лежит и мое прошлое, и настоящее, и... черт знает что еще...

– О чем ты? – испугано пробормотала я.

– Сначала моя сестра. Она услышала их. Она пошла за ними. Ей всегда хотелось быть одной семьей...

– Ты бредишь, – сказала я, кладя руку ему на раскаленный лоб.

– Знаешь, после смерти сестры, я уехал так быстро, как только мог. Думал, не буду слышать их там, далеко, в городе. И все равно слышал.

Макс улыбнулся лихорадочной улыбкой.

– Потом я думал, что если достаточным образом почту их память, это прекратится. Но нет!

Он резко закрыл уши руками.

Я же вспомнила, как неестественно активно он приглашал подбросить меня на конференцию, если я соглашусь заехать с ним в его родную деревню... Видно, Макс давно боялся

такой ситуации.

– И они все равно не довольны! – вскрикнул Макс, сильнее зажимая уши, – Слышишь! Слышишь!?! Они хотят, чтоб я остался!

Я невольно прислушалась, но, конечно, не услышала ничего, кроме завывания ветра.

– Макс, у тебя лихорадка, – проговорила я, – Пойдем, тебе надо прилечь, а я позвоню и вызову помощь...

С усилием, я подняла его с пола. К моему облегчению, Макс не сопротивлялся.

Уложив Макса на кровать в его комнате, я пошла вниз. Как и ожидалось, мобильная связь не работала в такой глуши.

Я накинула плащ и вышла из дома. Наверняка, у кого-нибудь в деревне есть телефон...

Мои поиски оказались тщетны. Мне так никто и не открыл... создавалось впечатление, что местные жители наслаждались моими мучениями, так как я отчетливо видела свет в окнах их домов, но замки на дверях оставались неподвижны, как бы я не колотилась в них.

Вся вымокшая, я вернулась к дому Макса. Возле него стояла машина, и в моей голове мелькнула мысль, что я могу попробовать сама завести ее. Возможно, Макс был просто не в состоянии из-за лихорадки...

Я вбежала в дом, поднялась на второй этаж и рванулась в комнату Макса. Тот в полузабытии лежал на кровати.

– Где ключи от машины?! – закричала я.

Макс не ответил. Тогда я начала методично осматривать его вещи, пока наконец не наткнулась на небольшой брелок.

Схватив вожаделенные ключи, я выбежала из комнаты, полная решимости завести машину и увезти отсюда Макса. И тут мое внимание привлек... шепот.

Он доносился из-за заколоченной двери. Будто двое разговаривали за ней.

Сперва я не поверила сама себе, но это было настолько реально...

Дрожа, я все же подошла ближе к двери.

Они обсуждали меня. Смогу или не смогу я увезти Макса...

Объятая ужасом, я побежала вниз. Почти выломав дверь машины, я вставила ключ в зажигание. Но, по законам жанра, машина не заводилась...

Я рванулась обратно в дом и начала громить кухню в поисках аптечки: в моей голове засела мысль, что все эти звуки – лишь игра воображения, воспаленного начинающейся простудой.

Возможно, если я найду что-нибудь...

– Дома ничего нет... Не ищи.

Услышала я слабенький голосок за собой.

Вскрикнув, я резко обернулась. В темноте коридора стояла девочка. Я плохо могла разглядеть черты ее лица, но заметила, что она очень худенькая, и с такими же как и у Макса.

сима светлыми волосами.

– Мама с папой не доверяют лекарствам. Мы сами сушим травы. Но их давно уже нет. Не ищи...

Мои ноги подкосились. Неужели я видела сестру Максима?

Тем временем девочка развернулась и пошла к лестнице вверх.

Умершая сестра направилась к своему бросившему их брату...

– Стой! – с какой-то новой силой закричала я.

Собрав всю волю, я рванула за ней вверх. Девочки уже не было. И только за дверью, отчетливее, чем раньше, был слышен шепот. Теперь их было трое. Они говорили, как рады будут снова жить вместе с Максом...

На мои глаза начали наворачиваться слезы. Я была в полной истерике, панике, шоке – состоянии, которое практически невозможно описать словами. И все, о чем я думала в этот момент, было даже не то, насколько нереально и сверхъестественно происходящее, а то, что они хотят забрать Максима. Моего Максима! Мою первую любовь, моего лучшего друга, человека, который столько значил для меня в этой жизни.

– Максим! – ворвалась я в его комнату, – Мы уходим!

Он даже не открыл глаз, а лишь пробормотал:

– Куда?

– Подальше отсюда! Все равно! Пойдем пешком! Лишь бы

дальше, как можно дальше!!!!

Я обхватила его, и попыталась поднять с кровати. Максим не поддавался.

– Макс! Макс! Умоляю! – плакала я.

– Тссс, – внезапно Макс сам сел на кровать, и вперил ничего не смыслящий взгляд в стену, – Ты слышишь?

– Что?

– Они решили, что если ты так не хочешь расставаться со мной, то можешь оставаться здесь...

Я похолодела.

– Максим, умоляю, пойдем...

Максим встал, но оттолкнул меня, когда я предложила ему руку.

– Я считаю, это место не для тебя, – произнес он.

– И не для тебя! Бежим, Максим, скорее! – молила я.

Но Макс меня не слушал. Он вышел в коридор, бормоча, что его родители перешли все границы. Следующее, что я услышала, было треском досок. Я выбежала в коридор, и увидела, как Максим отрывает доски, которыми была забита дверь в комнату его родителей.

– Нет! Не надо! – кинулась я к нему.

Максим с силой отшвырнул меня. Я упала на пол, сильно ударившись об стену.

– Это мой дом, и я готов остаться, – прохрипел он, – Но ты – нет. Если они хотят что-то сказать, то пусть не шепчут, а скажут это мне...

С этими словами он сорвал последнюю доску, отворил дверь и вошел внутрь комнаты. Я что-то закричала ему, попыталась встать, побежать следом, и только тут поняла, что шум, который я создаю своими действиями – единственный шум во всем доме. Прекратился дождь. Затих ветер. Воздух был наполнен какой-то морозностью и безмолвием. Да, безмолвием. Шепот стих.

В этот момент и все мои действия перешли в состояние туманного бреда. Казалось, я делала все так, лишь бы не нарушать возникшую тишину...

Я помню, как подползла к открытой двери. Как увидела за ней, на пыльном полу, тело Макса. Как медленно встала. Спустилась вниз. Взяла ключи, оставленные на кухне. Завела машину. Поехала в сторону города. И все это время за мной следовало безмолвие. То холодное, звенящее безмолвие, что пришло на смену шепоту, когда Макс воссоединился со своими родителями.

В городе, на допросе в милиции, я сказала, что Максим заболел и умер от лихорадки. Я, в следствии отрыва от цивилизации и поломки автомобиля, не сумела его спасти. Мне, как ни странно, поверили. Оказалось даже, что Максим находился на учете в психологической клинике. А его бывшая жена рассказала мне на похоронах, что развелись они во многом из-за того, что у Макса было какое-то семейное заболевание – вроде воспаления мозга. Он ей об этом не сказал, когда женился, а когда она узнала, ей стало страшно жить с потен-

циальным психом. Я слушала это и молчала.

Если у Макса действительно было воспаление мозга, от которого он и умер, то что тогда слышала я?

В этот полный безмолвия дом я не вернулась даже за телом Макса. Его забрали милиционеры и медики. Я же сидела и плакала в дешевой гостинице в ближайшем маленьком городке. Плакала как можно сильнее и громче. Так, чтобы не остаться одной в тишине.

С тех пор прошло много времени. Моему инциденту с Максом все посочувствовали, а потом и забыли. Я вышла замуж, завела детей. О Максе никогда не говорят в моем присутствии. Но иногда, когда никого нет дома, особенно во время дождя, я невольно начинаю прислушиваться, и в тишине, внезапно воцаряющейся в пустых комнатах, слышу шепот. Макс говорит мне, что я все сделала правильно. И он остался, потому что сам хотел. А еще слишком любил меня, чтобы оставить с собой. Он желает мне счастья, так как и сам счастлив в своей семье. Я улыбаюсь и на душе становится как-то странно легко. Наверное, воспаление мозга – это заразно.

АВАНС ЗА КРУЖКУ ПИВА

Когда свернули с большака на проселок, Парамон Иванович выпросил у своего шофера Сашки баранку, и они поменялись местами. Парамон Иванович – председатель колхоза, человек в том возрасте, когда дедом еще назвать вроде бы неудобно, а дядей как-то уже неподходяще. Он только-только выучился рулить и потому вел машину осторожно.

Пот градом струился по его лицу, должно быть, не столько из-за духоты, сколько от напряжения. Тень машины, отчетливая, с резким силуэтом оленя, замершего на капоте, медленно ползла слева, доставая до конопли, подступающей вплотную к проселку.

– Пивка бы теперь... – мечтательно выдохнул Сашка.

Парамон Иванович добродушно заворчал:

– Помешался ты, парень, на этом пивке. Вон корреспондент... – показал большим пальцем за плечо, на меня, – что он о тебе подумает? Возьмет, да и на карандаш...

– За что?

– А вот за это самое. Страда, люди о работе болеют, а ты... Что скажет корреспондент, слушая тебя?

– Сейчас узнаем... – Сашка, закинув голый локоть за спинку сиденья, повернулся ко мне – лицо хитрое. Заговорщицки подмигивая, стал вводить меня в соблазн: – Целую бы

кружку сейчас... холодную... Чтобы пена вспухла над ней. А еще, что-бы с таранкой. Ну, как?

– Не мешало бы, – согласился я.

– Вот, вот! Слышите, Парамон Иванович? Корреспондент тоже не прочь хватить пивка, а вы – «на карандаш»...

– Хитрец ты, Сашка! – Председатель рассмеялся, вытер мокрый загривок носовым платком и добавил: – Знаю я тебя, шельму!

Уж если Парамон Иванович «знал» Сашку, то Сашка Парамона Ивановича, видать, и по давню. Забористый он был, этот парень. Сообразительный. В шутку или по правде – не могу сказать, но мне в деревне говорили потом, что односельчане, прежде чем обратиться с какой-либо просьбой к Парамону Ивановичу, осаждали первым делом Сашку: дескать, как там начальство, можно ли подступиться? И если Сашка отвечал, что нельзя, ничего не выйдет, то и пытаться было нечего. Шепнет Сашка или мигнет – проси: в эту минуту Парамон Иванович покладист и ни в чем не откажет.

Сегодня председатель был в самом лучшем расположении духа. Еще бы, в райкоме похвалили: хорошо, быстро идет уборка хлебов в колхозе. Обо всем этом я и должен был написать в газету.

Слева по-прежнему зеленой стеной тянулась конопля, справа – поле, стриженное, как Сашка, под «ежик». На стерне золотились кучи сытно пахнущей ячменной соломы. Впрочем, ячмень был скошен еще не весь. Островок его вид-

нелся в самой середине поля, и на этот островок издали наплывал самоходный комбайн. Знойное марево то растягивало комбайн, то сжимало – точь-в-точь как на экране плохо настроенного телевизора.

Парамон Иванович горделиво сказал:

– Симуков работает!

– Вот про кого надо статью сочинить! – восхищенно заговорил Сашка. – Чешет по две нормы в смену и даже больше... Не парень, а...

– Завернем к нему? – перебил его председатель.

Он спросил это явно у меня, но ответить поспешил Сашка:

– Завернем! Конечно, завернем!

«Волга» съехала с проселка, под колесами зашуршала стерня. Парамон Иванович целил наперерез комбайну, и когда мы поровнялись, резко затормозил. Комбайн тоже остановился. Из-под серого зонта высунулся, а потом ловко пробежал по ступенькам невысокий в запыленном комбинезоне парень, и лицо его тоже было черное от пыли. Выйдя из машины, мы поочередно пожали горячую, маслянистую от солярки, руку Симукова. Председатель с улыбкой кивнул на меня.

– Вот, корреспондента привез тебе.

– Ну-у... – неопределенно откликнулся на это Симуков.

– Давай рассказывай, как ты тут стараешься. Про свои успехи, понял? Ты же у нас...

– Да что вы, Парамон Иванович!

– Не стесняйся, чего уж... Краска-то вон сквозь пыль проступила. Экая девица ты, Симуков! Давай: так, мол, и так и все такое...

Беседовали мы недолго. И пока беседовали, Парамон Иванович бродил в отдалении по стерне, словно искал что-то. Наверно, проверял, чисто ли убрано. Не найдя ни одного потерянного колоска, засмотрелся на ячмень, довольный. Сашка с интересом оглядывал комбайн, точно впервые видел эту машину. От него, от комбайна, шибало жаром, как из духовки.

Едва я спрятал в карман блокнот и авторучку, Сашка подскочил к Симукову и отвел его в сторону. Мне было слышно, о чем они говорят.

– Деньги нужны? – спросил Сашка.

– Ясное дело.

– Кружку пива ставишь – подскажу, как добыть.

Симуков кивнул.

– По рукам... – они хлопнули ладонь о ладонь, и Сашка зашептал азартно: – У Парамона Ивановича настроение сегодня – во! Соображаешь? Проси аванс. Кому-кому, а тебе не откажет...

– Иди ты!

– Seriously говорю...

Тут подошел Парамон Иванович.

– Потолковали? А теперь, Симуков, позволь-ка мне взять

у тебя, как его... интервью. До вечера скосишь весь ячмень?

– Постараюсь, только... это самое...

– Чего?

– Просьба у меня к вам, Парамон Иванович... – Симуков опять запнулся, переступил с ноги на ногу и нерешительно добавил: – В деньгах я нуждаюсь.

– Гм, что же, хлеба у тебя дома нету, а? – хитро прищурившись, спросил председатель.

– Хлеб-то есть... – Верно, хлеб есть. И молоко свое, и мясо, и яички, даже мед... Вон какой пчельник с отцом развели! Зачем деньги-то?

За Симукова схитрил Сашка:

– Парамон Иванович, сестренка у него именинница, так он хочет подарочек ей сообразить.

– А ты не встревай в чужой разговор!

– А я чего? – заюлил Сашка. – Я ничего... Я только хотел сказать, что, будь я на вашем месте, я бы не отказал такому работяге, как Симуков.

– Я, я, я! – передразнил Парамон Иванович. И, взглянув из-под кустистых бровей на комбайнера, сказал: – Так и быть, выпишем...

Сашка украдкой подмигнул Симукову и пошел к «Волге». Вскоре мы опять вырулили на дорогу. За баранкой сидел теперь Сашка. Он то и дело высовывал левую руку в окно, чтобы высушить на ветру потную ладонь. А Парамон Иванович через плечо говорил со мной – нахваливал все того же Си-

мукова. Обещал, между прочим, свозить меня и к другим комбайнерам, и ток показать, где зерно готовилось к отправке на элеватор.

Ячменное поле кончилось. Дорога, круто огибая его, ухнула вправо, к деревне. И вот там, где надо было поворачивать, мы увидели вдруг несжатую полоску. Она была как раз на углу поля – выгнутая, напоминающая своими очертаниями полумесяц.

– Эт-то что такое? – изумился Парамон Иванович. – Нука, Сашка, застопори!

Мы вышли из машины. Председатель сокрушенно покачал бритой головой и, щурясь, недобро прицелился вдаль – туда, где слышался рокот теперь уже невидимого комбайна.

– Безобразие!

Сашка, глядя на несжатую полоску, с сожалением проговорил: – М-да, ячмень... Ведь это бы сколько пива-то вышло!

– Опять ты мне про пиво?! – взъярился Парамон Иванович. Грозя кулаком рокочущей дали, продолжал: – Ну, погоди!.. Аванс захотел?! Я тебе за такую штуку пропишу аванс!

С этими словами он решительно двинулся к полоске ячменя. Не доходя до нее двух-трех шагов, неожиданно вспугнул жаворонка. Жаворонок взлетел из-под куста полыни, голубеющего среди усатых колосьев. Взлетел как-то неловко и боком-боком, сваливаясь на крыло, потянул низко над стерней. Метрах в десяти от Парамона Ивановича шлепнулся,

трепеща крыльями.

– Ты гляди-ка! – удивился председатель, на секунду забыв о грешке Симукова.

Я высказал свою догадку:

– Подранок, наверно.

– А может, у него тут гнездо? – слышался голос Сашки.

– Возможно, возможно... – Парамон Иванович шагнул в ячмень, разгреб руками терпко запахший куст полыни и весь встрепенулся. – Мать честная! Да и впрямь, тут целый выводок!

На земле, в гнездышке, искусно свитом из прошлогодней соломенной трухи, уютно пристроилось несколько птенцов. Это были жаворонята-позднышки, уже почти оперившиеся. Они широко разевали желтоклювые рты и, попискивая, вытягивали тощие шейки.

– Мать честная! – еще раз повторил Парамон Иванович, неуклюже присаживаясь на корточки. – Сашка, найди червяка!

– Да где же я его найду? – Гм-м... Пиво – так ты, братец, и под землей сыскал бы, – подковырнул Парамон Иванович.

Он был теперь весел и широко улыбался. Бормотал что-то, дразня птенцов розовым граммофончиком повители. Но, подняв голову, он как бы обмерил взглядом несжатую полоску ячменя и снова нахмурился.

– Н-да... Ладно, поедем.

Когда мы тронулись, из-за горизонта зачернел комбайн.

Парамон Иванович, искоса глядя на него, сказал задумчиво:

– А что, Сашка, выпишем Симукову аванс или нет?

– Надо выписать, Парамон Иванович! – с готовностью подхватил тот. – Обязательно надо!

– Ну, так и быть. А ячмень этот... я все же заставлю Симукова скосить косой. Да, да! Попозже малость...

ТАЙНЫ СУМЕРЕЧНЫХ ВОД

В безбрежном синем океане жила Касатка. Была она, сильной и ловкой. Имела большое белое брюхо, чёрную спину с высоким плавником и мощные челюсти с острыми зубами. Жила она, как и прочие касатки, бороздя просторы бескрайнего океана и поедая рыбу. Но порой её одолевали думы.

Не смотря на то, что по большому счёту жизнь её не менялась, иногда она застывала у поверхности, медленно шевеля плавниками, и вглядывалась в проплывающие мимо корабли. Слушая крики чаек, и ощущая ограниченность своего существования, ей хотелось чего-то большего и неизведанного. Но что это и где это искать? – она точно не знала.

И всё же, Касатка прибывала в поисках. Она искала среди ледяных вод Севера, заплывая в такие места, куда её сородичи не решились бы сунуть нос. Посещала корабельные пристани, полные странных объектов и неприятных звуков. Но странствуя, она никак не могла постичь, что ищет и чего желает.

Постепенно, сородичи стали сторониться её, и больше не предлагали плавать в стае. Впрочем, она и не напрашивалась. Касатка даже интересовалась мнением поедаемой рыбы, но поиски были тщетны.

Однажды на её пути встретился старый и неповоротливый

дельфин, который подсказал ей поискать желаемое в одном месте в тёплом море, в обмен на обещание больше не поедать дельфинов. Как вы уже понимаете, Касатка пообещала исключить из собственного рациона дельфинятину.

Вроде как в тёплом море жили люди, кормящие дельфинов рыбой, и взаимодействующие с ними. Сам же старый дельфин даже научился понимать людскую речь народов тёплого моря.

Теперь Касатка совсем не бывала в холодных водах и перестала заплывать в корабельные порты. Со всем упорством и целеустремлённостью охотника она обыскивала тёплые моря. И, как известно, кто ищет, тот, рано или поздно, найдёт.

И вот, в одном из тёплых морей, среди коралловых рифов, она нашла то место, о котором говорил старый дельфин. В стороне от основных островов располагался коралловый барьер, который не возвышался над водой даже во время отливов. Касатка почувствовала: это – здесь. Она набрала воздуха и нырнула.

Коралловые заросли располагались правильным кругом, и внутри этого круга было темно и глубоко. Дождавшись, когда солнце войдёт в зенит, Касатка осмелилась покорить глубину. И всё же, когда вода стала цвета сумерек, Касатка прекратила своё погружение. Там, во тьме, ей открылось чудо: неисчислимое множество медуз. Это была громадная стая,

что перемещалась плавными точками, медленно выталкивающая из себя воду.

Мелких медуз не было, только огромные, невероятные, древние. Некоторые из них светились по краям, некоторые были очень ядовиты. Касатка медленно скользила между их полупрозрачных, разноцветных, слабо фосфоресцирующих куполов. Её завораживал медленный танец – скольжение между жизнью и смертью. Красота медуз наполняла Касатку, оседая внутри. Помимо прочего, до неё доносились и мысли древних существ, убаюкивающие и погружающие в гипнотический транс.

Касатке чудился безбрежный океан очень тёплым и чистым, почти пустым, но беспокойным. В него то обрушивались ливни, то гигантские раскалённые глыбы, что гнали огромные волны, перемешивая воздух с водой. Раскалённые разломы разверзались на дне, порождая шипящие столбы пара. Только медузы оставались свидетелями тех давних событий.

Лёгкое касание к хвосту отозвалось жжением – это Касатка зацепила стрекала одной из медуз. И тут же новая картина вспыхнула перед её глазами: океаны, полные жизни; сотни разных существ замелькали перед её взором, от мелких рачков до огромных, стремительных хищных тварей, похожих на подводные лодки людей, только живых...

Еще одно жгучее касание к верхнему плавнику – и Касатка поняла, как много разумных существ существовало ко-

гда-то в океанической среде. Некоторые из них так до сих пор и живут здесь, некоторые – вышли на сушу (в том числе предки людей). Было непросто, и кто-то вернулся обратно в океан – так появились дельфины, киты и касатки.

Ещё несколько лёгких касаний к немеющему хвосту – и перед Касаткой пронеслось огромное течение времени, влекущее за собой истории многих разумных рас: их появление, активность, вымирание... Некоторые из них вымирали из-за неспособности ужиться друг с другом, а существование некоторых завершил безбрежный океан на пару с багровыми, исторгающими пар и большие волны, разломами на дне.

Между тем, мысли, транслируемые медузами, густели, а картины, что созерцала Касатка, становились всё ярче. И только издали, как солнце сквозь толщу воды, в сознание Касатки пробивалась жажда жизни и она начинала понимать, что задыхается. Прибывая слишком долго в воде цвета сумерек, она рисковала больше не выбраться на поверхность. Оценив ситуацию сонными глазами, Касатка осознала, что медузы смыкают ряды, а из чёрной глубины, всплывает самая большая и древняя из всех медуз.

Понимая, что сквозь облако медуз более не пробиться, Касатка постепенно осознавала свои думы, не дававшие покоя, как приманку, на которую попала. Думы привели в место, где должна была закончиться её жизнь. Можно было рвануть вверх и в самоубийственной ярости растерзать многих, но можно было и смиренно остаться, чтобы получив по-

следнее знание, стать пищей для медуз.

Касатка прикрыла глаза и почти перестала шевелиться, чувствуя, как мутнеет сознание от нехватки воздуха, но подспудное, холодное самообладание охотника велело затаиться и ждать. И она дождалась подходящего момента. Когда огромная медуза, почти поравнялась с Касаткой, а меньшие подались в стороны, Касатка напрягла мышцы, расширяя внутренний воздушный мешок, и шевельнула онемевшим хвостом. Это сожгло остатки кислорода в крови и почти лишило сознания, она лишь помнила, как торпедой пронеслась по куполу огромной медузы. Смена давления, брызги, воздух...

Через какое-то время она пришла в себя и кое-как убралась из проклятого места. С тех пор Касатка ни с кем больше не общалась, но за ней стали замечать не поддающиеся объяснению поступки. В частности, она стала охотиться на браконьерские суда людей, и отводить дельфинов-самоубийц от суши, не давая выброситься на берег. А еще, тихими летними ночами, Касатка всплывала и смотрела на звёзды, сравнивая, насколько они изменились по сравнению с тем, какими их запомнили древние медузы. Более она не искала чего-то неизведанного.

Но всё же, была одна мысль, которая никак не отпускала Касатку, которая так и не смогла осознать в полной мере: успела ли она тогда увернуться от сверкающих стрекал

огромной медузы или же всё вокруг отныне иллюзия, от расходящегося по нейронам яда последнего знания.

ПОДАРОК НА ДЕВЯНОСТОЛЕТИЕ

– А это точно не больно?

Марта улыбается, но в ее глазах легкая тень страха. Мы согласились на этот эксперимент вместе. Не то, чтобы нас особо интересует наука, просто за совсем безопасную процедуру здесь платят по десять тысяч. Огромные деньги для парочки бедных студентов.

Женщина в белом халате улыбается и отрицательно качает головой.

– Если не считать одного маленького укола, нет. – успокаивает она.

В её руке появляется шприц, внутри которого синяя жидкость. Мне кажется или она светится?

– Постойте, что за укол!?! – кричу я. – Разве речь шла не о копировании сознания на цифровой носитель? Зачем для этого делать какие-то уколы?

– Не переживайте, Виктор. – отвечает она. – Я введу вам безопасный для вашего организма раствор, содержащий наниты. Это микроскопические роботы, настолько маленькие, что их можно разглядеть только под мощным микроскопом. По кровеносным сосудам они достигнут вашего мозга, где

задержатся на некоторое время, чтобы считать данные о каждом нейроне и его состоянии. В это время у вас может закружиться голова, но это никак не скажется на вашем здоровье. Собранные нанитами данные будут переданы нам.

Она показывает на какую-то громоздкую машину под потолком -огромный металлический диск. Я слабо представляю, что это такое. Насколько знаю, установка экспериментальная. Наверное, стоит кучу денег.

– А что потом? – спрашивает Марта, и мое сердце замирает от ее звонкого голоса. – Мы будем жить с этими вашими нанитами в голове?

– Нет. Закончив свою работу, они выйдут из организма естественным путем.

Я смотрю на Марту и подмигиваю ей. Последний раз.

– Загрузка окончена!

Что произошло? Где я? Какая-то темная комната. Что-то вроде чулана, метр на метр, здесь разве что стоя уместиться можно. И я стою. Я что, терял сознание во время копирования? Странно, конечно, прийти в себя стоя.

Я ощупываю стены и понимаю, что мои пальцы словно онемели. Я чувствую касание стены, но не ощущаю толком её поверхности. Она теплая или холодная? Гладкая или шершавая? Сухая или влажная? Ничего не чувствую, только слышу. Какой-то странный звук, металлический.

Аккуратно и негромко стучу по стене. Да, этот металли-

ческий звон издает моя рука, значит стены сделаны из металла. Странный звук, словно стучу по металлическому сейфу металлической же ложкой. Звук от удара ладонью обычно другой.

Мое внимание привлекает узкая, едва различимая полоска света. Да, похоже, дверь в каморку с этой стороны. Как я вообще здесь оказался? Последним, что помню, был этот странный укол...

Марта!

Я испытываю ужас. Ощущение собственной беспомощности и страха за любимого человека. Во что же мы ввязались за эти чертовы двадцать тысяч? Что за опыты они над нами ставят? Где моя любимая? Я бью кулаком в предполагаемую дверь, и она с грохотом вылетает наружу. Ого, я не думал, что настолько силен! Яркий свет бьет в глаза. Я машинально закрываюсь от него ладонью, и тут же испытываю еще больший ужас, настолько сильный, что даже мысли о Марте отходят на второй план.

Перед моим лицом действительно была ладонь, только вот она не принадлежит мне, хотя, похоже, подчиняется мне, как родная. Широкая металлическая ладонь с механическими пальцами на шарнирах, между которыми проходят разноцветные провода. Я сгибаю ее в кулак, разгибаю.

Нет! Они что, удалили мне руку и заменили на это?!

Осматриваю себя, и от увиденного становится дурно. В глазах темнеет, металлические ноги подкашиваются, и я с

грохотом падаю на пол.

– Марта! Мне снился страшный сон...

Я пришел в себя чтобы понять, что это никакой не сон. Да, мое тело действительно представляет собой какой-то сложный механизм. Что это значит? Вспоминаю самые страшные фантастические фильмы, которые мы смотрели вдвоем с Мартой в студенческом общежитии. Она всегда забиралась под одеяло, прижималась ко мне и дрожала, а мне эти нарисованные на экране кошмары казались забавными. А теперь я сам стал частью такого кошмара! Они что, вырезали мне мозг и пересадили в это искусственное тело? Так вот в чем состояла эта «безопасная процедура»!

Лежу на то ли на носилках, то ли на тележке. Это нечто издает тихое жужжание и медленно парит над землей. Рядом какой-то человек идет спиной ко мне (очевидно, несёт носилки), и я не вижу его лица. Похоже, мы в длинном коридоре внутри какого-то здания. Окликнуть его? Напасть сзади и допросить? Или попросту убежать?

Пытаюсь подняться, но мое новое тело не слушается. От бессилия я застонал.

– Очнулся? – человек повернулся ко мне. – Дальше можешь пойти сам?

– Ноги не слушаются... – говорю я, и удивляюсь звуку собственного голоса. Он похож на мой, но звучит электронной записью.

– Погоди, сейчас тебя активирую.

Человек дружелюбно улыбается мне. Я уже видел такую улыбку, там, в лаборатории, где меня уверяли, что процедура безопасна. Второй раз я не попадусь на это! У человека в руках небольшой черный пульт. Он направляет его на мое лицо и нажимает кнопку. Силы возвращаются ко мне, я снова могу управлять своим искусственным телом.

– Готово! – довольно говорит он.

– Спасибо!

Один удар в челюсть – и незнакомец лежит на полу, а его пульт в моих руках. Бежать! С этим пультом я разберусь потом. Похоже, сенсоры, которые на него реагируют, находятся где-то у меня на лбу. Значит, если я увижу противника с пультом, надо закрыть лоб ладонью! Я быстро учусь, не зря же прошел столько шпионских и фантастических игрушек, пока мои одноклассники зубрили скучные конспекты! Еще один человек с криком выбегает из-за угла, и падает от моего удара ноги. Кажется, я сломал ему рёбра, но ничего страшного, жить будет. Надо бежать отсюда! Вот только куда?

Марта! Возможно, они еще не успели проделать это с ней! Надо разыскать ее во что бы то ни стало! Человек на полу хрипит.

– Где Марта?

Он стонет. Черт возьми, да он совсем еще ребенок, лет шестнадцать, не больше! Не важно, кругом всё равно одни враги! Я сжимаю его ладонь своими металлическими паль-

цами, чтобы он взвыл от боли!

– Говори, где она, или я оторву тебе руку!

Я не шучу. Они лишили меня рук и ног, всего моего тела! Оторванная рука будет куда более безопасной процедурой для него. Пришьют новую, железную! Мальчишка испуганно смотрит на меня и показывает на дверь в конце коридора. Хочет обмануть? Может, сломать ему ногу, чтобы никуда не убежал, пока буду проверять эту дверь? Нет, не похоже, чтобы он врал. Значит, Марта там. Я иду к тебе, любимая!

Дверь вылетела от одного моего удара. За дверью была небольшая уютная комнатка. Книжный шкаф, письменный стол, огромная кровать, которая занимает большую часть свободного пространства, всё это было сделано из дерева. Красиво, мне всегда нравилась такая мебель. Помню, как мы с Мартой мечтали о том, как обставим нашу квартиру, когда поженимся после университета. Это что, еще один способ сбить меня с толку?

Одна деталь выбивается из общего стиля: большое окно. Оно круглое, что само по себе непривычно, но еще более непривычен пейзаж за ним. Чёрное ночное небо, полное ярких разноцветных звезд. От края до края одно только небо, и ничего кроме него. Я вглядываюсь в эту чарующую темноту, но никак не могу разобрать горизонта. Видимо, то, что они воткнули в мою железную черепную коробку вместо глаз, обладает не самыми лучшими техническими характеристиками.

– Виктор?

Я поворачиваюсь на этот слабый голос и вижу старушку. Она лежит на кровати, закутавшись в одеяла. И не мудрено, что я сразу ее не заметил. Совсем уже высохшая, она еле способна разговаривать. Она тут за главного, что ли?

– Где Марта? – спрашиваю её.

Она плачет.

– Твои слезы тебя не спасут. Если ты стоишь за всем этим, ты мне за всё ответишь!

Почему я не испытываю к ней никакого зла и ненависти, хотя вроде как должен?

– Виктор! Я должна была быть осторожнее... – шепчет она.

– Да, неосторожно было делать мое тело настолько сильным! – отвечаю ей, – Я расправился с твоими людьми в два счета.

Вижу страх в ее глазах. Почему они кажутся мне такими знакомыми?

– Что ты сделал с ними?! – испуганно спрашивает она.

– А что они сделали со мной? – парирую я. – Они думали, что можно вырезать мой мозг и засунуть в эту машину, и остаться безнаказанными? Ничего подобного!

– Что ты с ними сделал, Виктор?!

Почему-то я смущаюсь от ее голоса.

– Да ничего особенного. У одного сломана челюсть. У другого ребра. Возможно, еще рука. Жить будут. Где Марта?

– Виктор... – вздохнула она.

Я взглянул в ее глаза и вдруг всё понял. Сколько бы ни прошло лет, эти глаза ничуть не изменились.

– Марта!?

Мои металлические руки дрожат. Она кладет свою ладонь в мою и плачет. Она ничего не говорит, но мне и не надо больше ничего слышать.

До окончания загрузки остается пять минут. Наконец-то, а то уже заждался. За это время я узнал собственную историю. Точнее, не совсем свою. Другую историю. Другого меня.

Тот я получил свои десять тысяч за участие в эксперименте и вернулся к учебе. Через два года они с Мартой окончили университет и поженились. В романтическом порыве они записались добровольцами в первую межзвездную экспедицию. В планах экспедиции не было возврата на Землю, пять тысяч колонистов должны были освоить новый мир, который был так похож на их родной дом, но еще не был испорчен и обезображен цивилизацией. Колонисты с новейшими экотехнологиями не должны были повторить ошибок человечества, превратившего родную планету в свалку. Полет предстоял долгий, и дети Марты и Виктора родились уже на борту корабля. Спустя десять лет путешествия Виктор погиб. Погиб героем, спасшим из пожара в одном из отсеков корабля десятки детей. Марте никогда не было так больно, как в этот

день.

Технология оцифровывания сознания оказалась удачной, но практическую пересадку сознания в кибернетическое тело ученые на борту корабля осуществили лишь спустя два года после смерти Виктора. Теперь на борту никто не умирал навсегда. Сохранять свое сознание для последующей имплантации в новое тело стало обычной ежемесячной процедурой. Колонисты передали свои знания Землянам по межзвездной связи.

Внуки Марты и Виктора предприняли множество усилий, чтобы сделать бабушке подарок на ее девяностолетие. Благодаря их усилиям и запросам, сознание их дедушки-героя, сохраненное еще в молодости, было передано на борт корабля. Вот только они не подумали о том, что вся его память, все его знания о себе заканчиваются в ту самую минуту, когда он совершил эту процедуру сохранения. И возобновляются с момента загрузки в новое тело. А дедушка отблагодарил их за свое «воскрешение», отправив обоих в больницу. Радует, что медицина на станции вышла на совсем другой уровень, и их травмы залечат при помощи медицинских нанитов за считанные минуты.

– Загрузка окончена!

«Шкаф» открылся, и Марта вышла ко мне навстречу. Да, она сама приняла это решение о пересадке сознания еще до того, как ее тело умерло по естественным причинам. Не хотела, чтобы я видел ее старой и немощной. Хотя всё равно

видел.

– А ты ничего! – улыбаюсь ей и беру за руку. К этим телам, конечно, надо будет привыкнуть.

– Ты тоже хорош! Видишь, я совсем не изменилась!

– Думаю, мы сможем заказать твою девятнадцатилетнюю копию с Земли, пересадить ее в другое кибертело и проверить!

– Даже не думай об этом!

– А что, у меня будет сразу две любимых девушки. – иронизирую я.

Ее подзатыльник вызвал у меня помехи и металлический звон. Сейчас она смотрит на меня строго – лица кибернетических тел достойно передают эмоции.

– Одна-единственная! – говорит она, – И навсегда!

СЕРЕБРЯНАЯ ВИЛКА

– Что это? – спрашиваю я.

– Вилка, – отвечает Эжен.

– А что, всего одна? Больше ничего нет?

– Больше ничего, – старьевщик поджимает губы, – Мы где, по-твоему? В Париже?

Снаружи дом Эжена ничем не отличается от других домов – так раковина с жемчужиной не выделяется среди пустышек. Но за серым фасадом с табличкой «Le Fripiier» скрывается настоящий музей. Здесь и рамы, и вазы, и книги – громоздятся до самого потолка и воюют за место на пыльных полках. Если кому-то что-то понадобилось, он первым делом идет к Эжену, и старик пошарит под прилавком и – о, чудо! – выудит оттуда как раз то, что нужно.

Я беру вилку в руки и рассматриваю. Она почти умещается на моей ладони. Два зубца, длинных и острых, как клыки. Ручка – такая изящная, что я могла бы переломить ее пополам.

– Ладно, – говорю я, – беру. Лучше чем ничего.

– Прекрасное серебро, – вздыхает Эжен, любуясь напоследок вилкой, – Пятнадцатый век! Сидеть бы тебе завтра дома, и не портить такую прекрасную вещь!

Но я упрямо качаю головой. Нет уж, ни за что!

Эжен пеленает вилку в мягкую ткань. Он знает, зачем она мне нужна, но все равно обращается с ней, как с сокровищем.

– Знаешь, – спрашивает он, – чем вилка отличается от других столовых приборов? Она подтверждает приход цивилизации. Ножи, те были всегда. Ложки – тоже давно. Но вилки появились лишь тогда, когда мы перестали есть руками, как варвары.

– Это просто вилка, – говорю я, – не надо драматизировать.

– Удачи, – сухо говорит Эжен, – в завтрашней облаве.

Я киваю ему и покидаю лавку. Глупо сердиться на Эжена. Он – одинокий старик. Ему нет дела до Зверя.

Уже начало смеркаться, но до темноты еще далеко. В наших краях солнце упрямое. Оно все медлит, не желая уступить своего места, а скрываясь за горизонтом, надолго оставляет в небе свой светлый след. Воздух пропитан горьким ароматом цветов. Повсюду в клумбах нарядные оранжевые бархатцы и смертоносные стройные акониты. Говорят, что нечисть их сторонится.

Повсюду зажигаются огни. Люди готовятся к завтрашнему дню, кто как. Мастерят копья, заостряют колья, точат ножи. Мне кажется, что воздух звенит – его невидимые потоки, как туго натянутые струны.

Шуршание – и я оборачиваюсь, но это только ветер, тебит края развешанных на доске объявлений плакатов:

«Prenez garde à la Bête!» – «Берегитесь Зверя!»

Я иду в кузницу. Путь неблизкий: сначала по мосту через реку Деж, а затем вдоль берега. Позапрошлым летом, неподалеку отсюда, Мари-Жан Вале проткнула копьём и сбросила в воду раненного Зверя. За полгода до этого, в лесу Теназейр, группа детей из соседней деревни дала ему отпор. Жители Оверни и Жеводана уже три года сражаются со Зверем – вилами и самодельными копьями. Но обычное оружие ему нипочем, и чем это не доказательство, что Зверь – не простой волк?

Кузнец переплавляет мою вилку в три круглые пули. Как раз для пистолета, который мне оставил кузен, ветеран семилетней войны. Я не знаю, будет ли завтрашняя облава удачной, и удастся ли нам выманить Зверя, но если удастся, то я буду готова. И мне, правда, жаль, что пришлось испортить вилку («Прекрасное серебро! Пятнадцатый век!»). Но я говорю себе так: не каждому столовому прибору уготована такая странная судьба. Стать, – возможно! – пулей в сердце оборотня.

ДОМОВЫЕ В ЛЕСУ

– Что-то зайцы сегодня по дуге идут. Заметил?

– Зайцы? Идут? Ты где видел идущего зайца? Они либо бегают, либо прыгают, либо сидят и байки травят.

– Вот, ты зануда! Я про траекторию. Обычно они двигаются от кривой берёзы, мимо того большого камня и к роще. А сегодня прут на камень. Сам видел, как врезаются. Главное, вдарит с разбегу, со всей дури, и падает рядом. Потом очухается и сидит, башкой трясёт – понять не может: откуда каменюка взялась?

– Это к грозе. Электромагнитное поле влияет на заячью навигационную систему.

– Да какая у них там система?! Поди сожрали чего забродившего. И гоняют пьяные. Я б на месте лешего у них права забирать начал.

– Права на что? На бег по лесу? Оставь ты им последнюю радость. И так, бедолагам достаётся. Вон, вчера рассказывали...

– Да-да! Интересно. Ты что, их байки подслушиваешь? И о чём болтают длинноухие?

– Не подслушиваю. Просто... Просто слушаю. Да так, ничего интересного, в принципе. Все заканчиваются одинаково: «И тут, я ка-а-ак сигану!»

– Вон, смотри-смотри! Ещё один вырубивает на трек. Ставлю килограмм женьшеня, что встретится с камнем. Спорим?

– Да ну тебя, с твоим женьшенем! У тебя и нет, поди. Да и что мне с ним дел...? Точно! Прямо в центр впечатался. И что? Ты целый день смотришь, как бедолаги бьются и тебе хоть бы хны?

– А я что сделаю? С жезлом встать перед камнем и показаться? Так эти же, лихачи, меня таранить начнут.

– Всё равно. Жестоко это. Вот так сидеть и наблюдать. Пойду, посмотрю. Может, помочь надо.

У одинокого дерева на пригорке зашевелились листья.

– Давай-давай. Только не показывайся ему. А то ушастый, кроме шишки на лбу, которая, заметь, заживёт, получит психическую травму на всю жизнь.

– Не учи учёного. Между прочим, одна русалка говорила, что я очень даже ничего, – в удаляющемся голосе можно было уловить нотки обиды.

– Ты верь им больше. Этим русалкам одного надо, – вполголоса сказал кто-то оставшийся около дерева.

Когда неподалёку от огромного валуна хрустнул сучок, заяц, сидевший рядом, уже окончательно пришёл в себя и моментально отреагировал – прыгнул в сторону и умчался.

– Чего же им неймётся-то? Может и правда – гроза будет? – сам себе проговорил голос около камня. – Надо подойти к этому вопросу научно. Итак. Что мы имеем? Точнее,

кого мы имеем? Зайцев. Безбашенных летунов. Допустим, заяц «А» выдвинулся из точки «Б», в точку «В». В середине пути он изо всех сил, скажем так, соприкасается головой с точкой «Г». Спрашивается: сколько мозгов осталось в той голове, если изначально существование сей субстанции не было подтверждено?

– А если на этот вопрос, – послышалось кряхтение и шорох около валуна. Несколько песчинок упало и скатилось с его верха на землю.

– А если посмотреть с другого ракурса? Теперь голос раздавался с макушки камня.

– Тэкс-тэкс. Где у нас точка «Б»? Ага. Вот она – кривая берёза. Что мы видим? Ну вот же оно. Мы наблюдаем дым. Тип – стелющийся. В непосредственной близости от старта. Так я и знал. Вот, где собака зарыта. Леший и его химические опыты. Страдают невинные лю... звери, а этому алхимику и трава не расти.

Рядом с валуном возникло облачко пыли – некто невидимый прыгнул на землю. Его голос удалялся в сторону корявого узловатого дерева:

– Общественность имеет право разобраться! Почему безответственные эксперименты ставят под угрозу здоровье жителей леса? Бу! Ха-ха! Испугался? Ничего, это лучше, чем башкой в камень.

Шорох веток, стремительный серый комок пронёсся совсем рядом с глыбой. Голос продолжил, откашлявшись:

– Кхе! Доколе будут проводиться бесчеловечные опыты?! Мы не потерпим! Некоторые (не будем показывать пальцем), ха-ха, хотя их имена всем известны, ха-ха, в своём безоглядном увлечении наукой... м-м-м... э-э-э... допускают... э-э-э... допускают перегибы!

Низкий дым причудливыми подвижными клубами стелился по полянке, поросшей куцыми кустиками. По углам пяточка, полностью лишённого растительности, стояли горшки с тлеющими углями. На ветке узловатой берёзы в самом центре висела сумка лешего. А под деревом, в котелке варилось что-то малоаппетитное, клокочущее, булькающее, разбрызгивающее вокруг шипящие капли и выпускающее тот самый густой белый дым.

– Проходи-проходи. Чего прячешься? Уж я-то тебя вижу и чую. Забыл что ли?

Из-за берёзы выглянул леший, сидящий на бревне, и кинул в бурлящее варево горсть травы, дым изменил цвет и стал тёмно-синим.

– Я ж не заяц – растопырит уши, обо всём забудет и давай хвастаться. Иди сюда, садись рядом, рассказывай.

– Я и не прятался. Думал, вдруг помешаю?

– Ага. Деликатность. Ну всё теперь. Приличия соблюдены. Я тебя пригласил. Ты – вежливо посетовал на своё вторжение. Давай, что ли, дальше без дипломатического этикета? А то я начну себя чувствовать неловко, что сижу тут, без

галстука.

Вот с лешим всегда так. Он умный, зараза, и ехидный. Разговариваешь с ним и не понятно: то ли шутит, то ли намекает, то ли обвиняет.

– И это... Раз уж мы тут про мораль и этику... Слушай, зайцы жалуются. Я тебя ни в чём не обвиняю. Но ты пойми: они народ простой, безобидный, скромный. Жизнь нелёгкая. Похвастаться перед дружками или подружками – маленькая, но радость. А тут, всё чаще приходят и жалуются, что подслушивает кто-то. Уж и на меня думать стали. Не надо, а? Ну что там интересного? И главное, всегда одинаково заканчивают.

– Во как. Я думал, что сам пришёл, а оказывается, это меня вызвали. Я думал, что я за длинноухих заступлюсь, а оказывается, сам их обижаю.

– Ну вот, ты опять – дуться. Это не ты пришёл и не я тебя вызвал. Это тропинки наши сошлись вместе, понимаешь? Ты пройдёшь – нет? Иди сюда, рядышком. Чего мы орём через поляну, как сороки. Кстати, если байки послушать любишь – вот к кому обращаться надо. И им совершенно по... по барабану – подслушивают их или нет. Орут так, что весь лес... подслушивает.

– Хорошо. Я понял. Не буду больше.

Сквозь клубы дыма стало видно силуэт идущего к берёзе. Когда тёмно-синие, постояннодвигающиеся будто в медлен-

ном танце, завитки расступились, из них появился человек средних лет. В свитере и джинсах, с небольшой аккуратной бородкой и недлинными тёмными жёсткими волосами, торчащими вихрами на макушке и чёлке. Человек ли?

– Вот. Правильно. Присаживайся, – леший подвинулся и его гость опустился на лежащее бревно рядом.

– Ты уж не сердись на меня, ладно? Я, видишь, зелье времени варю. А дым судьбы мне всё рассказывает. Так что, я знаю – зачем ты шёл, что сказать хотел и немного ещё. Посиди рядом – тоже почувешь.

В котелок полетела новая пригоршня травы и дым стал ярко-белым.

– И что узнать хочешь? В смысле – зачем варишь? Просто любопытство?

– Просто, не просто, любопытство, не любопытство. С утра почувствовал, что надо. Тревога какая-то. И не пойму откуда.

– Узнал?

– А ты ещё ничего не увидел? Посиди ещё. Белый дым быстро проймёт. – Да ничего вроде пока.

– Не спеши. Как Первый? Кстати, когда вы уже имена расскажете ваши? Ну не дело согласишься – Первый, Второй. Вот я – Ях. Просто и понятно. Хоть и зовут меня все просто – Леший. Но имя-то есть. А у вас?

– Первый – нормально. Болтается целый день на сосне...

– На пригорке, на той, что ль?

– Ага. Наблюдает, как зайцы надышатся твоим дымом и в камень. С разбега.

– Ха-ха! Чудики. Но не насмерть же. Зато будет, что рассказать вечером. «Несусь я, значит, от кривой берёзы в рощу, а тут, на моём пути – камень, во-о-от такой, ну и я понимаю, что свернуть не успеваю, думаю, а вдруг он уступит, как тот дуб вчера, и ка-а-ак... очухиваюсь, глаза открываю и как сигану!» – Леший зашёлся смехом.

– Ты тоже подслушивал? А мне, значит – нельзя?

– Мне – можно. Меня они не чувят. Понимаешь, дым этот – и рассказывает и немного меняет судьбу. Зайцы вон, с траектории сбиваются слегка. Ты тоже, возможно. Почувствовал? Вокруг-то смотри.

Гость лешего огляделся и понял, о чём толковал лесной хозяин. Клубы белого дыма уже не были бесформенными кучами, сгустками пара и сажи. Они теперь показывали спектакль. Вон – полянка, на которой сидят двое около костра: леший и он сам. Вон – зайцы носятся. Вон – пруд, в котором плавают бледные тени, с угадываемыми силуэтами женских тел – русалки. А это что? До боли. До щемящей грудь, сладкой боли, до комка в горле, знакомые контуры. Это же... Дом... Дом! И где? На пригорке, где остался Первый. Вместо сосны стоит дом. Неказистый, кривой, вот-вот развалится. Но дом. Сердце забилося. Не верилось. И верилось. И опять не верилось.

– Леший... Ях... Ты это видишь?

– Что видишь? Тебе и мне – разные вещи показывают. Что там у тебя? – Дом.

– Вот оно что. Может быть. Может. Теперь понятнее. Хотя...

– Что понятнее? Что может быть? Откуда здесь, в глуши – дом? Что «хотя»?

– Я вижу поваленные, загубленные деревья, зверушек убитых. И человека. Сюда идёт. Теперь, понятно – зачем. Да-а-а.

– Человек? Один? Дом строить? Зачем? Кто? Почему один?

– Второй...

– Это что – предсказание? Так будет, да? Кто он?

– Второй... Не трещи. Пожалуйста. Дай подумать. В одиночестве. Пожалуйста. Извини. Иди к Первому. Вспомните имена свои, что ли? Давай. Пока.

Леший кинул в котелок ещё один пучок травы и дым стал ядовито красным.

На пригорке никого не было. Слышался разговор сорок из рожи неподалёку. Сплетницы. Про лешего и нашу встречу с ним уже кричат. Дуры! Ничего мы не пили и не курили. Что за фантазии? Что? Лягушек в котёл кидали? А потом к русалкам пошли? Языки, что помело! Не стал слушать дальше. Зайцы – куда интеллигентнее. Тоже приврут, конечно. Но как-то по доброму, бесхитростно, мягко. «Имена вспом-

ните». Что их вспоминать? Помним, верим, храним. Но никому не скажем. Зачем они без дома?

Первый треплется: «Ещё пара десятков лет и станем здесь своими. Как леший. Будем с русалками зажигать. На медведях кататься. Зелья варить и в будущее заглядывать. Впишемся в экосистему».

Да, не попрёшь против природы. Я так думаю. Если ты – домовой, то без дома ты – что русалка без... пусть будет, без воды. Они, конечно молодцы, здешняя нечисть, как мы с Первым любя их называем. Спасибо им. Приняли, когда мы побитые и неприкаянные шлялись по лесам. Людей пугали, зверей. Представляли, что мы боги, свергнутые с Олимпа. Что только не вытворяли. Сейчас вспоминаешь и не по себе становится. Неудобно, как-то. Но это же от отчаяния, от обиды было.

Леший – мужик. Зажёг тогда свой костёр, травок покидал, покумекал, побеседовал с кем-то или чем-то там, из дыма, и сказал: «Оставайтесь здесь. Будете в нашем лесу «водиться». Только не озоруйте больше». Русалки, несмотря на всю свою вредность и стервозность, по доброму относятся. Утешают. Успокаивают. Бывает, конечно, чудят. Пытаются утянуть на дно. В шутку. И хохочут дикими голосами. Первый задружился с ними.

Я говорю Первому: «Ты, наверное, не лешим, а водяным станешь, лет через десять». А водяной ревнует. Чуть нас увидит, сразу волну пускает на пруду. Воду мутит. Рыб гоняет

так, что они, бедные, из воды выпрыгивают. Русалки смеются над ним. Потому что он старый. А ему обидно. Я пытался поговорить. Серьёзно так. По совету лешего. Принёс ему веток и листьев из чащи. Ароматных, красивых. Сложил на берегу. Он любит, говорят, незнакомые запахи и вкусы. Сам присел рядом и говорил, говорил, говорил.

Рассказал о себе, курьёзные случаи вспоминал, и о Первом тоже. Не уверен, что не сам с собой разговаривал. Сиду, ногами болтаю, балаболю. А вокруг – тишь да гладь. Подружка Первого (Иииия зовут, смешное имя, правда?) подплыла, послушала, пальцем у виска покрутила и скрылась в глубине. Когда я наговорился, посидел ещё минут пять и собрался уходить, волной принесло к берегу кувшинку. Наверное, слушал меня водяной. Я думаю, что он нормальный мужик. И мы обязательно найдём общий язык.

Вернулся Первый, естественно, от русалок. Околдовали они его, наверное. Говорит, что даже плавает с ними. Нонсенс! Домовой – и резвится в пруду, как отдыхающий на курорте. Я в воду захожу только чтоб помыться. И не глубже, чем по пояс. И то – эти хохочущие, как дикие лошади, подводные ведьмы, лезут, щипаются, дёргают постоянно. А что там они с Первым вытворяют и подумать страшно!

Рассказал Первому про встречу с лешим. Про дом, про человека. Что тут началось! «Я его задушу в первую же ночь! А потом русалкам отдам – пусть поиздеваются! Или сначала

ла русалкам отдам, а потом придушу, что останется». Раскричался, разволновался, по пригорку бегаёт, на дерево прыгает. Залезет на самую верхушку и там беснуется: «Где ты, мерзкое человеческое отродье?» – кричит и дерево раскачивает. Не успокоился ещё. Болит у него. После того, как лишился дома и человека. Не могу его осуждать. Сам был такой ещё недавно. Долго не мог успокоиться. Ночью, когда я уже спал давно и вдруг проснулся, глаза открываю, а он сидит, смотрит на луну. Бормочет чего-то.

Сходить что ли к кикиморе, попросить каких-нибудь трав успокаивающих? Далековато, конечно. Но она женщина умная, может ещё чего посоветует. Вот, к ней у меня душа больше лежит, чем к русалкам. Она ведёт себя корректно, спокойно, беседовать на любую тему можно. А этих бледных пиявок, что не спросишь: «Га-га-га» – в ответ, замогильными голосами. Кикимора – это как бы должность, а зовут её по-другому. Как? – я не могу сказать, потому что обещал, но очень хорошее такое, нежное милое имя. Сидишь у неё в избушке, пьёшь чай – арома-а-а-тный, вку-у-усный, а она смотрит на тебя своими большими умными глазами с огромными ресницами и говорить ничего не надо. Так понимает. Очень достойная женщина. У неё с лешим какие-то непонятки были в стародавние времена, поэтому и разъехались они подалеже друг от друга. Но один о другом отзываются всё равно – уважительно и с почтением. Точно! Схожу к кикиморе с утра! Может, она и про дом с человеком подскажет чего.

Проснулся, а Первого уже нет. Понятно, куда намылился. Теперь ещё и русалки узнают. Не нравится мне это. Недоброе что-то предчувствую. Вот, интересно. Человек ещё не появился здесь, а вокруг уже суета, сплетни, интриги. Что они за люди, эти люди?!

В расстроенных чувствах собрался кое-как, чуть не забыл цветочков нарвать, этих, с беленькими лепесточками, не помню название. Кикимора просила принести – там у неё не водятся такие. Нарвал целую охапку и сунул за пазуху. Сначала не хотел мимо пруда идти, но решил всё-таки заглянуть, проверить: там ли Первый? Точно, плавает! Во даёт! Новый вид – плавающий домовый. Не забыть бы Кикиморе рассказать – посмеёмся. А русалки вокруг него плещутся, глядят ласково, венки из водорослей на лохматую голову надевают. Лямура сплошной.

Меня увидели и давай ржать, как лошади:

– К ненаглядной собрался? Смотрите и цветов нарвал, кавалер! А наше общество не устраивает, да?

Кое-как отшутился, Первому крикнул, что к вечеру вернусь. А ему и всё равно – своя компания. Всяко – околдовали. Я уж собрался дальше идти, но заметил на дальнем берегу шевеление какое-то. Пригляделся – и точно. Водяной. Машет, зовёт.

Чтобы русалок с толку сбить, сделал крюк, как будто ухожу, а сам по кустам, тихонько, туда отправился. Стараюсь не

шуметь, аккуратно подхожу, а он уже ждёт. И ничего не старый. Немного старше нас с Первым выглядит. И глаза грустные. Совсем ему эти бледные лошади подводные жизни не дают.

– Здравствуй, – говорю. – Вот, к кикиморе иду.

– Знаю, – отвечает. – Ты ей привет передавай, ладно?

– Ага, хорошо, передам, – бормочу и собираюсь уходить.

– Ты, вот что. Попроси у неё Забудь-Траву, – говорит мне вслед.

– Понял, хорошо, – останавливаюсь и жду, может ещё чего-нибудь попросит.

– Я слышал от русалок, что вы с лешим человека в дыме судьбы видели и дом?

– Да, – говорю с вызовом так. Потому что мне эта ситуация уже совсем перестаёт нравиться. Весь лес уже мои видения знает. И нос суют все.

– Не булькай. Я помочь хочу. Он, человек, когда придёт, как пить дать, купаться в пруд полезет. А русалки у меня, видишь, невоспитанные, злые, дикие, – говорит спокойным тихим голосом, а сам выглядывает осторожно из кустов. Смотрит, чтоб не заметили, не подслушали. – Минут за пять, кинь в воду Забудь-Травы пару пучков. Русалки заснут на час, и не сделают ему ничего плохого.

– Почему ты думаешь, что я этого человека охранять буду? Я вообще не знаю – кто это. И нужен ли он тут.

– Будешь, будешь. Ты – хороший домовый. С сердцем. И

человек придёт хороший. Он свою тропинку ведёт к твоей. Тебе леший не говорил разве? Придёт, и дом построит. И семью заведёт. И будет у вас всё хорошо. Но готовиться надо уже сейчас. Чтобы добро было – надо его делать. И русалки со временем привыкнут к нему. И твой Первый. Я, как услышал их болтовню – сразу про тебя подумал. Что к тебе идёт дом, хозяйство. И у нас в лесу всё зацветёт и добро приумножится.

Почему-то мне не хотелось спорить. В душе запели птички, какое-то давно забытое чувство родного, уютного, своего, где-то в уголке сердца затеплилось.

– Спасибо! – чуть не крикнул я.

– Тише-тише, – улыбнулся водяной. – И ничего от тебя мне не надо – запомни. Это не сделка. Чтобы добро было – надо его делать. Вот, я и делаю, как умею.

– Не знаю, как благодарить тебя. Мне, прямо жить захотелось. Слушай... – я вдруг сообразил. – Ведь ты тоже уснёшь, когда я Забудь-Траву в воду кину? А человек? Тоже?

– Я увижу тебя и вылезу. А если и засну – велика важность? Я и так сплю всё время. А на человека она не действует, увы. Давай, кикиморе – привет.

Налегке, да с приподнятым настроением долетел, а не дошёл до избушки кикиморы. Замечательно пообщался. Уходить не хотелось. Она сама меня выпроводила. «Иди, – говорит. – У тебя дел много ещё». Но душевно, любя, я бы

сказал. Вселила в меня ещё большую надежду. С водяным полностью согласилась. И сказала звать, если что. Чудо, а не женщина. Вот, как я без неё буду, когда хозяйством обзаведусь? Отлучаться же нельзя. Что-то размечтался я. Как юнец безбородый. Того и гляди – стишки начну сочинять. Вернулся затемно. И не узнал свой пригорок.

Первый развёл бурную деятельность. Наташил поваленных деревьев, загородил все проходы. Не на шутку готовится. Ощущение, что нашу одинокую сосну будут брать приступом орды захватчиков. Оказывается, сороки трещат по всему лесу, что кто-то идёт. Ещё далеко, километров пятьдесят, наверное от нас. Все волнуются. Я тоже. Интересно, какой он – будущий хозяин? Первый тоже места себе не находит. Всё тащит: ветки, деревья, пеньки. Крепость строит. Но видно по нему, что хоть и злится и в обиде на всех людей, но тоже любопытно. И надежда какая-то теплится. А виду не подаёт. Бормочет что-то такое грозное, воинственное. Как он всем им сейчас устроит. Меня подбивал пойти деревьев свалить побольше и сделать неприступный форт.

Ага, леший устроит нам, если будем ради потехи деревца ломать. Мало никому не покажется. Он же их все по именам знает. Ходит, разговаривает с ними, я сам видел. Вот такое кунг-фу – это высший пилотаж, я считаю. Ладно – звери. Их понять не сложно. Слушай лучше и всё. Но деревья. Они же, наверное, так медленно говорят! Одно слово, должно быть, больше месяца произносят. А ещё, я слышал, что все дере-

вья в лесу – это как-будто одно существо. И каждое – есть индивидуальная личность и одновременно, все вместе – одна. Короче, голову сломаешь. Надо, как-нибудь, лешего попросить попроще объяснить. А пока, на всякий случай, я их лишний раз стараюсь не трогать. Ветки не ломать, не бить и так далее. Всё это рассказал Первому. Тот задумался. И предложил глину с пруда таскать. Щели между веток и стволов замазывать.

Дождались. Все, понятное дело, напряглись, насторожились. Слушаем, что сороки кричат:

– Чудо! Чудо идёт! Уже до оврага дошёл! Ждите! Чудо! Цирк! Первого аж дрожь взяла. Забился в свой бункер из бурелома и зыркает. А я пошёл посмотреть. На валун, об который зайцы скорость гасят, залез, наблюдаю. Чу. И правда – идёт, насвистывает. И правда – чудо. Молодой совсем! Морда довольная, бородатая. Волосы на голове во все стороны торчат, в ухе – кольцо. Как за ветки не цепляется? В шортах и майке. А клещи? А комары? Думаю про себя: «Эй! Эй! Мне обещали человека, хозяина, а не это чудо в перьях!»

Спрятаться что ли вместе с Первым в его бастиионе? А он прямо к каменюке, на которой я стою притопал, рюкзак скинул, плечи размял, попрыгал и говорит: «Вот здесь, Саня, и будем жить». Да. Это финиш, как говорится. Понял я, что груз в пункт назначения прибыл, получите и распишитесь. Что ж. Мы и не такие орехи разгрызали. Впервой что ль?

Повоюем, Шурик! Мы им с тобой покажем! Меня, кстати, Саша зовут. Или Сашулечка, как кикимора называет. Стоп! А где он? К пруду намылился? Твою за ногу! Началось! Бегу сломя голову, как заяц, на ходу достаю Забудь-Траву, а на душе – так хорошо-о-о-о!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ БЕСЕДА

Уже не помню, с чего начался наш спор. Кто-то подосадовал, что оказался в праздник вдали от семьи, кто-то вспомнил наивную рождественскую пьесу из детства, и пошло-поехало. Разговор этот, по-моему, не стоил выеденного яйца, но, тем не менее, вот уже битых полчаса мы (взрослые люди!) спорили о рождественских чудесах.

В купе нас было четверо – четверо незнакомцев, вынужденных встречать Рождество в поезде. Стемнело по-зимнему рано, и в вагоне зажглись лампы. Крупные снежинки успевали лишь мелькнуть за окном, и тут же терялись в ночи.

– В древности, – доказывал я, – люди поклонялись молнии, но теперь-то мы знаем об электричестве, и понимаем: ничего сверхъестественного в нем нет. Также и с чудесами – выдумки, порожденные невежеством.

– Я с вами не согласна, – подала голос молчавшая до сих пор женщина, – и чудеса – это никакие не выдумки. Я вот, к примеру, знаю историю о настоящем чуде.

– Неужели? – спросил я, – Что ж, любопытно послушать. Мой тон говорил прямо противоположное, но женщина, все же, начала свой рассказ:

– Эта история произошла в Рождество. К бабушке, в деревню, приехала погостить девушка. Звали ее Наталья, или,

чаще, просто Таша. Ей было шестнадцать, и все, кто ее знал, сходились во мнении, что это был настоящий ангел. Может, дело было в ее внешности – в ее ярких голубых глазах и золотых локонах, маленьком овальном лице и нежной коже. А может, в чем-то более глубоком, скрытом в самой ее душе... так или иначе, любой, кто видел Ташу, сам того не сознавая, тянулся к ней всем сердцем.

По соседству с Ташиной бабушкой жила многодетная семья: отец, мать и пятеро детей. В тот год Рождество в доме соседней выдалось грустным: младшая дочь, пятилетняя Майя, была серьезно больна.

– Бедная кроха совсем плоха, – рассказала Таше бабушка, – Доктор боится, что долго она не протянет.

Известие сильно расстроило Ташу. Она помнила, как сильно она сама любила Рождество, когда была ребенком. Как ждала прихода зимы. Особенное это было время: и на санках покататься, и в снежки поиграть, и снежную бабу слепить, а потом, дома, усесться у жаркого камина, с кружкой горячего шоколада, украшенной пышной шапкой сливок. Мысль о том, что маленькая Майя лишена всего этого разбивало Ташино сердце.

«Придумать бы что-нибудь особенное для неё, – думала она, – Порадовать как-то».

У Таши не было ничего, что она могла бы подарить девочке. Разве что вот, кольцо есть. Таша сняла украшение с пальца и призадумалась. Тонкий серебряный обруч с прозрач-

ным розовым камнем – и изящный, и красивый. Маленькой девочке по вкусу придется. Только велико ей будет...

В тот же вечер, Таша собрала кулёк конфет, взяла колечко, и пошла к соседке. В комнате больной девочки было душно и темно. Таша зажгла ночник, и склонилась над лежащим в кровати ребенком.

– Привет, – сказала Таша, – я слышала, что ты, Майя, очень хорошая девочка, и за это я принесла тебе гостинцев и замечательный подарок. Вот, гляди!

Она протянула кольцо, и Майя взяла его. Она никак не могла взять в толк, что происходило, и что за неземное создание очутилось вдруг, как по волшебству, в ее комнате.

«Не иначе, как ангел! – решила девочка, – Точно, как в сказке!»

– Пока можешь носить его на ремешке на шее, – продолжала Таша, – но однажды, ты вырастешь, и оно будет тебе в пору. Кольцо это волшебное, так что не теряй его. Пока оно с тобой, ничто на свете тебе не страшно.

Сказала так и ушла, оставив девочку любоваться подарком при тусклом свете ночника. Рождество прошло, и Таша уехала домой, в город. А Майя неожиданно пошла на поправку. Свою рождественскую встречу с ангелом она помнила смутно, как утренний сон, но кольцо напоминало, что все было взаправду. И выздоровела. И следующее Рождество, с братьями и сестрами каталась с горки и лепила снеговиков, а ангельское колечко до сих пор с пальца никогда не снимает.

Женщина закончила рассказ и замолчала. И я не стал возражать ей. Что-то было в её лице такое, что остановило меня. В вере есть особенная сила. И можно чудо презрительно назвать «совпадением», но верить или нет, каждый решает сам. Спор наш на этом утих. А я потом заметил то, чего не видел раньше: женщина то и дело рассеянно касалась кольца на пальце. Тонкого серебряного ободка с крошечным розовым камнем.

ПРОКЛЯТИЕ БАРИНА

Еда была превосходной. Жареный козленок, маринованный в травах, мёде и специях. Горячая похлебка, густая от сочного мяса. Нежнейшие котлеты из карпа, приправленные чесноком. Пирог с голубиным паштетом, овощи, масло... Крепкое, сладкое вино и свежее пиво. Хлеб прямо из печи.

Стефан вовсю наслаждался трапезой, когда привели Миклоша.

Кусок хлеба, смоченный похлебкой, полетел обратно в миску.

– Так это ты, безродный холоп, сеешь смуты среди несчастных крестьян?

– Нет барин, никаких смут я не сеял.

Стефан пристально осмотрел батрака. Крепкий, статный, смуглый. Похож на цыгана, но слишком уж тонкое лицо для простолюдина. Впрочем, мускулист и руки в мозолях.

– Ты смеешь перебивать меня? Не боишься ли розг?

– Не боюсь, барин. Всю жизнь боялись, а теперь устали.

Вы уж извините, коли грубо ответил.

– Ну если не боишься, то не взыщи... Эй, ты, как тебя там... Мирко. Научи-ка манерам этого щенка!

– Что изволите, барин?

– Дай ему хорошенько в морду, что ли...

Караульный нехотя размахнулся и ударил Миклоша по лицу.

– Эй, если будешь гладить батрака как бабу – я тебя вместо него прикажу высечь!

Караульный достал из-за пояса плеть и умело хлестанул Миклоша. Батрак повалился на пол, но стопа не издал, снова поднялся.

– Ну что, обучился манерам?

Миклош не проронил и слова.

– Молчать вздумал? Я заставлю тебя отвечать на мои вопросы. Тащите его в подвал!

Оставив ужин на столе, Стефан глотнув вина, быстрым шагом двинулся вниз. Ярость распирала его изнутри. По каменным ступеням грохотали сапоги личной стражи. Миклоша тащили волоком. Как смеют эти холопы, эти безродные дворняги вести себя так в его присутствии? Он потомок великого графа Дьердя! Его предки тысячи лет правили этой страной. Некоторые были простофилями и дураками. Один раздал половину земель вассалам. Второй на деньги семьи пооткрывал сельские школы и богоугодные заведения. Кому это нужно? Свиньям? Они и есть – свиньи. В голодные годы жрут суп из желудей. Живут в грязи. О нет, Стефан не такой. В отличие от них – хорошо образован, прекрасно воспитан и изысканно одет. Он не приемлет отговорок, что ему повезло родиться дворянином. Если бы он родился простым батраком, то уж конечно свел счеты с жизнью. Глупо? Нет –

благородно! Зачем такая жизнь?

В подвале было темно. Тяжелый запах сырости бил в ноздри. В каменных коридорах мелькали крысы, плесень на стенах сочилась гнилой водой. Стефан вошел в пыточную камеру, огляделся кругом. Волна наслаждения холодной змеей проползла по хребту. Были среди его предков мощные люди. Не церемонились с врагами, не искали компромиссов. Пальцы в тиски, ногти щипцами долой... Жутко, но действительно. Жестокие, требовательные, умеющие воспитать в человеке страх и уважение – господари, князья, графы, бароны. Но он, несомненно, лучше. Хотя бы потому, что все они давно сдохли и ничего уже сделать не смогут. А у Стефана вся жизнь впереди. И еще какая жизнь!

Миклош уже был готов к допросу. Руки прикованы кандалами к потолку. Раздет до пояса.

– Ну что, страшно?

– Нет, барин. Закон для всех одинаков. Коли Вы меня без суда и следствия истязаете, то и на Вас управа найдется.

– Ах ты, скот! Суда захотел? Будет тебе суд. А сейчас...

Стефан не стеснялся в методах. Бил по лицу, бил по ребрам. Устав избивать руками, схватил дубину. Потом вытащил кнут из-за пояса своих гвардейцев. Когда и это стало утомлять – принялся раскалять щипцы на жаровне. Командир караула вмешался:

– Мой господин, пока не было суда и следствия – пытки железом и огнем запрещены!

– Заткнись, или хочешь на его место?

– Милорд, при всем уважении, я не простолюдин и не ваш слуга, а офицер гвардии! По мне принимают решения лишь Королевский Суд или Военный Трибунал ...

– И это говорит человек, присягнувший моему отцу???

– Я не присягал ни вашему отцу, ни вам лично. Я клялся служить его Величеству, который поручил мне охрану вашей семьи!

– Стража, в клетку его. Да поживее или тоже хотите за решетку?

Солдаты нехотя отвели своего командира в камеру. Заперли, но заковывать в кандалы не стали.

– Всего лишь неудачный день и беспокойные люди. Надо напиться вина и лечь спать. – думал Стефан.

Уже светает, а сон всё не идет. Разумеется, он помилует командира караула, но Миклоша следует казнить всенепременно. Ну почему, почему люди так ужасны? Почему придворные не подчиняются ему как некогда отцу? Да, отец был героем, воевал против захватчиков. Раздавал наделы, участвовал в свадьбах крестьян, разбирал споры. Отец был глуп! Необразован. Всю жизнь провел в войнах, походах, осадах. Если не было войны – отец управлял многочисленными замками и имениями. Если и учился, то быстро, жадно хватая знания, словно курица, выклевывавшая зернышки из свежей навозной кучи. Случайные учителя, случайные связи. То ли

дело Стефан. Да, он не постиг военной науки на практике. Да и нужна ли она? Римляне, греки, древние философы. Раньше все решалось путем дипломатии. Путем искусных переговоров, а Стефан, чего греха таить, в этом был силен. Конечно, он пока не пробовал себя на деле, но теорию постиг. Разве может она так сильно разниться с практикой? Неужели он не сумеет договориться? Зачем воевать, когда все можно разделить?

После учебы Стефан вернулся в свой дикий край. И вместо почета его ждало сплошное разочарование. Теория не подкреплялась практикой. Грязные крестьяне, нищие батраки, вонючие солдаты, уважавшие его отца, не испытывали к нему никакого почтения. Все делали нехотя, из-под палки, страже все чаще приходилось прибегать к кнутам. Да и стража обленилась, бьет этих скотов неохотно, словно в одолжение. И этот Миклош. Ну кто он по сути? Быдло, слуга. Его предназначение – служить господину. А он возомнил себя черт знает кем.

И его невеста, Катарина. Красивая дьяволица. Забывает, что женщина – сосуд греха. Одурманила Стефана своими чарами. Надменная, словно жила среди богов. Забыла, наверное, что гордыня – страшный грех. Разве он хотел разделить с ней ложе? Разве он хотел опорочить ее бесчестием? Дворянка устроила танцы. Он всего лишь посетил их. Показал, что несмотря на положение, может снизойти до их уровня, уважив их праздник своим присутствием. Правда, его не звали,

но разве барин должен спрашивать разрешения? Какие-то дикие дудки, свистелки, самодельные инструменты. Бесовская музыка. И что за танцы? Словно дикари, словно бродяги на дороге.

Стефан хотел обучить их искусству настоящего танца, но люди стали расходиться. А Катарина – тоже хороша! Барин пригласил ее, а она отказала, сославшись на неумение. Пришлось показать, кто здесь хозяин. Стефан насилу вытащил ее на середину круга, залитого светом костра. Он просто танцевал, а Катарина тихо плакала, словно ее насильовали, а не держали за руку. Он запомнил злые глаза Миклоша, полный ненависти. Признаться, Стефан даже немного испугался, что этот зверь бросится на него. К счастью, местный кузнец, мужик взрослый и крепкий, удержал Миклоша. Но Стефан заметил и не забыл. О-о, он никогда ничего не забывает.

Стефан спросил разрешения отца наказать наглых крестьян. Отец же вместо поддержки наказал Стефана. Как такое можно стерпеть? Пришлось отравить. А после похорон, крестьяне, словно с цепей сорвались! В первую же неделю в бега подались шестеро. Исправник халатно отнесся к розыску. Но Стефан пошел на крайние меры. Он сжег дома беглецов, оставшихся родных же запер в амбаре и пустил клич, что если через три дня беглецы не вернуться, амбар сожгут дотла. Вернулись четверо. После жесточайшей порки всех раздели до пояса и затравили собаками. Вот была потеха! Хоронить в пределах замка не стали, тела выбросили в лес.

Правда родные их все же закопали, а местный служка даже прочитал заупокойную молитву. Стефан не стал их сильно наказывать. Просто конфисковал имущество, теплые вещи, еду. Пускай побираются по оврагам. А служка, лишенный сана, может катиться вслед за ними.

Несмотря на все меры, крестьяне, не проникались к Стефану уважением. Они все больше его ненавидели. То кто-то изрисует углем стены, то подкинет в его опочивальню дохлую крысу. А недавно навели бардак в охотничьем домике. Разорвали в пух все трофеи, что самое обидное – трофеи других даже не тронули. Главный лесничий до сих пор висит на суку в назидание. Его тело искупали в бочке со смолой, чтобы провисел подольше. Стража предупреждала, что назревают волнения. Но разве он, Стефан, не сможет договориться? Эти простофили любят кнут и пряник. Он выкатил телегу вина, накрыл столы мясом, фруктами, медом, горячим хлебом. Но ни одна скотина не притронулась к угощению. Только несколько нищих разобрали краюхи, но есть за столом не стали, а уползли в свои убогие логовища.

Как гордо и надменно смотрела в тот вечер на него Катарина! Этот взгляд взбесил Стефана. Стража ночью притащила Катарину к нему в опочивальню. Он приказал ей раздеться самой. Катарина отказалась. Тогда он пригрозил уничтожить всю ее семью. Лишь после этого горячка, со слезами на глазах, принялась расшнуровывать свою одежду. К сожалению, у него тогда ничего не получилось. Скорее всего, са-

ма его высокая натура противилась смешению благородной крови с простолюдинкой. Он наотмашь ударил ее по лицу и прогнал голой домой, пусть не думает, что барин опозорился. И вот сегодня ему доложили, что Миклош наводит смуты. Что ж, этого следовало ожидать. Он специально опозорил Катарину, чтобы спровоцировать Миклоша на действия. Это даст повод казнить смутьяна.

Утром, наскоро перекусив пирогом, покрошенным в вино, Стефан приказал готовить лобное место к судилищу. Из окна своей залы он видел как собирается народ, как наспех сколачивают эшафот, как накрывают массивный стол багровым знаменем – штандартом их величавой фамилии. Знамя служило символом правосудия на протяжении сотен лет. Он надел свой лучший камзол, прикрепил новый палаш и стал дожидаться гвардейцев, в предвкушении расправы над Миклошем. Ах как жаль, что казнить возможно лишь однажды! И все же, что лучше? Сжечь? Повесить? Либо содрать кожу, спустив во след собак? В дверь постучали.

– Мой господин, Вас уже ждут.

– Ведите.

Стефан спустился во двор. Гвардейцы расталкивали и умиряли толпу. В этом живом коридоре он не заметил и пары сочувствующих или преданных глаз. В лучшем случае отводили взгляд, в худшем – смотрели дерзко и надменно. Он разберется со смутьянами, он накажет каждого из них.

Когда Стефан поднимался на возвышение – из толпы вышел Миклош. Освобожденный, одетый в чистое.

– Барин, погоди подниматься.

– Стража, стра-а-жа!!!

Но стража примкнула к толпе, а у людей в руках появились вилы, серпы, камни, дубины. Стефан дернул палаш, на холоде клинок примерз и не покинул ножен.

– Сегодня, барин, ты ответишь за всё.

– Я, я... я же был вам как отец!

Тяжелый, глухой удар по голове заставил Стефана потерять сознание.

Очнулся Стефан от монотонных скребков. Ужасно болела голова, было холодно. Он стоял в какой-то нише, босиком, на холодном каменном полу. Пошевелить руками не удавалось, запястья были прикованы к потолку и затекли. Ноги были заключены в деревянную колодку. Горящий факел осветил Миклоша, кладущего очередной ряд кирпичей.

– Что? Что вы делаете? Вы что? Как Вы смеете? Я Стефан! Законный правитель этого имения, приказываю...

Ни звука в ответ. Лишь скрежет мастерка, равняющего раствор. И быстрый стук рукояти по уложенному кирпичу. Стефан умолял, кричал, просил прощения, плакал, сулил любые богатства, клялся, угрожал, снова плакал. Оставалось заложить последний камень, когда к свежей кладке стали подходить люди. Среди них была вдова затравленного соба-

ками беглеца, дочь лесничего, отец запертого насмерть ко-
саря. Кто-то плевал Стефану в лицо, кто-то сыпал прокля-
тия. Старушка, внучку которой Стефан утопил в реке, лишь
тихо сказала: «Бог тебе теперь судья».

Последним подошел Миклош. Долго смотрел на барина.
А пленник уже не бился в истерике, не кричал и даже не
плакал. Казалось, он смирился с уготованной ему участью, а
может быть просто устал. Увидев Миклоша, Стефан очнулся
и закричал:

– Проклинаю, проклинаю тебя сволочь! Пусть ты и твои
потомки видят только зло и несчастья, мое проклятие доста-
нет вас и через пятьсот лет. Кирпич с холодным скрежетом
был втиснут. Последний луч света померк, оставив лишь мо-
гильный мрак.

Давно истлели кости Миклоша, его красавицы жены Ка-
тарины, кузнеца, начальника стражи, старого графа. Замок
ветшал, пока совсем не развалился. Остался лишь кусок сте-
ны, с замурованным Стефаном. Миклош делал кладку на
совесть. Миклош и Катарина подарили жизнь четверем пре-
красным дочкам и двум храбрым сыновьям. Стефан тоже
оставил потомство. Одна из куртизанок, делившая с ним ло-
же, понесла и родила слабого, болезненного мальчика. Ре-
бенка сдали в монастырь, где его воспитали монахи. По до-
стижению совершеннолетия он ушел странствовать по свету.
Был очень падок до женского полу.

Акира, рядовой клерк банка, задумался о своей никчемной жизни. Некстати вспомнились ненавистные родители. Его отец – простой почтовый служащий. От предков отцу достались лишь светлые как пепел волосы. То ли румын, то ли болгарин, а может и венгр – Акире было все равно. Достаточно было того, что всю школу дразнили, что родился от соседа. Мать Акиры, Минори, тоже была не безупречной японкой. В ее семье любили рассказывать легенду о некоем монахе-путешественнике, который имел прелесть соблазнить какую-то его пра-пра-бабку. Вот и получился Акира без роду, без племени. Слишком высокий для японца, смуглый и мускулистый.

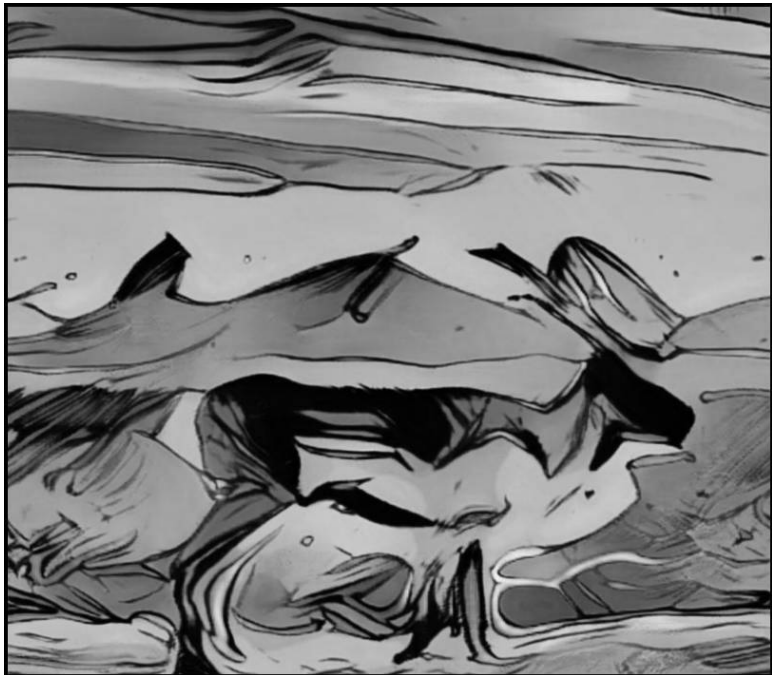
Отец – иностранец с мозолистыми руками. Мать – жена иностранца. Наплевала на устои, на обычаи и культуру их семьи. Вышла замуж за чужака и живет, как ни в чем не бывало. Впрочем, о какой культуре можно говорить, если в свое время пра-пра-бабка тоже пошалила с гайдзином. И вся жизнь у Акиры наперекосяк. Плохо учился в школе, родители – совершенно небогатые люди. Многочисленная материнская родня с ними не общается и никак не помогает. Спасибо мамочке за выбор. Сидеть в банке, забивать бесконечные цифры, за каждую ошибку расплачиваться премией. Ни жены, ни детей. Девушка и та ушла к какому-то спортсмену. А ведь он мечтал о великом. Править людьми, все решать с помощью дипломатии. Куда там! У родителей не было де-

нег даже на паршивый колледж. Еле-еле пристроился на бесплатные курсы.

Акира был недоволен судьбой, хотел свести с ней счеты. Он направлялся в Аокигахара, печально известный лес самоубийц. В машине лежала крепкая веревка, таблетки, пистолет и скальпель (если надумает вскрыть вены). Шел сильный ливень. Везде по трассе мелькали аварийные огни, многие водители предпочли переждать дождь на обочине. Машину повело юзом и выбросило за ограждение. На огромной скорости Акира врезался в дерево. Пять веков назад именно в эту минуту испустил свой дух измученный, сошедший с ума, замурованный заживо Стефан.

Акира выбрался из раскуроченной машины. Он был весь исцарапан стеклом, левая рука переломана, машина всмятку, в остальном – ничего серьезного. Больше в лес почему-то не хотелось. Лучше позвонить родителям, он их давно не видел.

В Токио шел дождь. За пять тысяч миль от Акиры где-то в глуши Карпат обрушилась стена старинного замка, обнажив закованный скелет.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ

– Какой хорошенький! И рога такие прикольные! – галдели ребята, обступив ручного северного оленя и прикасаясь к его мягкой шерсти.

– Может вы знаете какие-нибудь интересные факты про оленей? – спросила ребят экскурсовод, рассказывающая о достопримечательностях города Нарьян-Мара.

– Конечно, знаем, – расплылся в улыбке Колька Семенов, известный в школе шутник из 7«Б». – Олени возят Санта-Клауса в санях по ночному небу!

Ребята засмеялись, а Колька ухмыльнулся, довольный своей шуткой.

Экскурсовод помолчала, а затем произнесла:

– Сейчас мы с вами пройдем к памятнику, который посвящен оленям, а точнее, оленно-транспортным батальонам, сформированным в годы Великой Отечественной Войны. Этот памятник архангельского скульптора Сергея Никандровича Сюхина был установлен в центре города Нарьян-Мара 23 февраля 2012 года.

Ребята подошли к памятнику. Им навстречу шли отлитые из бронзы воин-оленовод в национальной одежде, северный олень с мощными ветвистыми рогами и пушистая тундровая лайка. А за ними возвышался бронзовый круг, обозначаю-

щий диск солнца.

– В 1941 году более шести тысяч ездовых оленей по приказу Государственного Комитета обороны были отправлены на Карельский фронт в сопровождении шестиста оленеводов из округа. Воины-северяне под Мурманском свыше двух лет держали линию фронта, – рассказывала экскурсовод.

Ребята внимательно слушали. Колька смотрел на памятник. Ухмылка давно сошла с его лица.

– Оленно-транспортные батальоны отправили семнадцать тысяч тонн боеприпасов на передовую; вывезли с полей сражений четырнадцать тысяч раненых бойцов; около десяти тысяч солдат доставили к месту назначения. Никто, кроме оленей и оленеводов, в суровых условиях Заполярья не мог справиться с этой непосильной задачей, – продолжала рассказывать экскурсовод.

Колька разглядывал памятник. Он смотрел на гордо поднятую голову оленя, увенчанную тяжелыми рогами, не замечая, как от ветра на глаза стали наворачиваться слёзы. И вдруг...

– Эй! Ты чего не маскируешься? – раздался рядом простуженный голос, и кто-то накинул на Колькины плечи белое полотно. Колька повернулся – перед ним в белом маскхалате стоял мальчишка с худым обветренным лицом.

– Зачем мне маскироваться? – удивился Колька.

– Как это зачем? Посмотри, – мальчишка махнул рукой в сторону, – у нас и нарты белой краской выкрашены, и на

олений белая маскировка сшита. Она им сначала не нравилась, всё отряхивались. А сейчас ничего, привыкли.

– Но зачем всё это? – снова спросил Колька.

– Вот чудак–человек! – усмехнулся мальчишка. – Это сначала немцы на нас внимания не обращали. Думали, что крестьяне–оленеводы стада свои перегоняют. А как узнали, что мы воевать с ними прибыли, так засуетились. Гитлеровское командование поставило особую задачу своим авиационным частям, чтобы уничтожали олени стада. Вот мы от них и маскируемся.

– А почему вы именно на оленях передвигаетесь, а не на лошадях или, скажем, собаках? – спросил Колька.

– Ну ты даёшь! – улыбнулся мальчишка.

– Смотри, какой на улице мороз! А олень ни холода не боится, ни выюги. Знаешь, сколько лошадям сена надо да овса? Где его взять? А олень сам себя прокормит и в тундре, и в лесу. С собаками тихо к врагу не подойдёшь, какая-нибудь да залает. А олень не нарушит тишину, даже раненый не издаёт звука.

Колька во все глаза смотрел на мальчишку. Он вспомнил свою шутку про Санта-Клауса, и ему стало стыдно. Ведь он совсем ничего не знал про оленей, про их героические подвиги. А мальчишка между тем продолжал:

– А какие они смелые и выносливые! Лишь олень сможет пробежать десятки километров за сутки по снежной целине.

Колька слушал мальчишку и думал: «А ведь он, похоже,

мой ровесник. И уже столько всего пережил. Недоедает, вон какой худой и бледный. И руки обветренные, красные, все в царапинах». Мальчик заметил, что Колька разглядывает его руки:

– Ничего, заживут. Понимаешь, переход у нас был долгий. Некоторые олени совсем ослабли от нехватки корма. Так мы с товарищами уходили подальше от оленьих троп, снег разрывали и собирали ягель.

– Вы спасли оленей?! Это героический поступок! – воскликнул Колька.

– Да ну, чего же тут героического, – засмутился мальчишка. – Вот у нас в батальоне есть Алексей Ледков, так тот, действительно, герой! Вызвался он промчатся на своей упряжке перед опорным пунктом врага, чтобы вызвать огонь на себя и обнаружить вражеские огневые точки. Всё рассчитал, разогнал оленей и, привстав на нартах, с криком выскочил на открытое место. Пролетел перед изумлёнными немцами так, что сзади только снежная пурга поднялась. Опомнились фашисты, застрочили пулемёты, но с опозданием, уже вслед упряжки. За этот героический поступок Алексея наградили медалью «За отвагу»! Вот такие они, наши олени. Герои! И каюры – герои! Только многие из них не вернутся домой. Погибли, пропали без вести...

– Никто и не вспомнит, – опустил глаза мальчишка.

– Помнят! – воскликнул Колька. – Много лет прошло, но люди помнят ваши подвиги! И памятник оленно-транспорт-

ным батальонам установили: идут по снегу каюр, олень и лайка, а за спиной у них встаёт солнце!

– Солнце, – улыбнулся мальчишка, – солнце – это хорошо! Солнце – это жизнь!

Колькины глаза наполнились слезами. И вот уже одна слезинка обожгла его холодную щеку. Колька моргнул.

– Большая часть солдат из оленеводческих стойбищ и их упряжки оленей, – продолжала рассказывать экскурсовод, – не вернулись в родную тундру. Они погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Но память о них всегда будет жить в наших сердцах!

– Всегда, – прошептал Колька, глядя на памятник.

И слезы горячими каплями катились и катились по его щекам.

СУРОВАЯ ЗОНА ОТДЫХА

Слоёные скалы, словно бабушкины оладья, среди соснового леса выглядели очень даже привлекательно. Сам лес, ещё не хоженный, был полон грибов и ягод, а по логам разрастались буйные кусты черёмухи. Ну и рыбы здесь было, хоть отбавляй! Клевало на всё, даже на согнутый палец.

Сначала сюда приезжало только начальство. Потом, а это произошло довольно-таки быстро, об этом месте прознали чиновники помельче, потом и рабочий люд попёр. Сразу стало ясно, что теплоход не резиновый. Его разобрали и пустили на домики. Конечно, домиков получилось раз-два и обчёлся, но, что немаловажно, был отстроен и запущен в эксплуатацию директорский домик. Это сейчас он выглядит, как собачья конура среди «хозяйских» домиков. Вот и получалось, что работа директора была собачьей должностью. Тем более что при всём великолепии домиков для отдыхающих, директорская конура до сих пор радует глаз стариной трухлявого прошлого.

Ну, казалось бы, какая мне разница, где прозябает директор? Как бы не так! Что прикажете делать, если вас посылают в командировку в этот суровый край, на всё лето?! Попробуйте прожить здесь с мая по сентябрь, когда дует из всех щелей и окна не открываются вообще. В мае – холодрыга!

Всё лето – днём донимают мухи, оводы и претензионные отдыхающие. Ночью достают пьяные и страдающие от пьяных. В одной комнате орёт музыка, в другой укладывают младенца спать. Беги, директор, успокаивай!

Честное слово, я бы не справился, если бы не договорённость с милицией. На базе постоянно проживали два её представителя. Месяц одна пара, месяц другая. Эти ребята службу знали. Спасибо им!

Где-то после десяти вечера ко мне зашёл Синельников Володя. Это вечный завхоз и охранник турбазы. Он был возбуждён.

– Иваныч, побежали! Наш крайний домик ограбили!

Вот так! Мне нужно было проверить, как вымыты туалеты, а тут... Ладно, заодно проверю верхний туалет, на горке.

Мы подошли к домику, принадлежащему цеху контрольноизмерительных приборов. Точно, стекло из окна выставлено, а замок цел. Не хватало несколько матрасов и одеял. Куда идти, где искать? Пошёл за милицией. Мы обошли округу и никого не обнаружили. Свои это сделать не могли, потому что незачем. Значит, чужаки!

Я предложил подняться на горочку и оттуда посмотреть, нет ли где костра? Ведь, если украли спальные принадлежности, значит, собираются на них спать.

Действительно, стоило нам подняться на горочку, как мы тут же увидели в лесу отблески огня. Везде таблички висят, запрещающие разжигать огонь в лесу, а они? Ладно. Добра-

лись до места, подкрались и выглядываем из-за камня. Батюшки святы!

Стоит себе скромный шалашик из наших одеял, а по обе стороны костра, на матрасах, в полный рост идёт «утеха»!

– Бог в помощь, молодые люди!

Одна из девиц мельком глянула в нашу сторону и продолжила «общение» с напарником. Дубинки милиционеров моментально привели страждущих любви в полное сознание и осознание ситуации. Нет, никто никого не бил. Им были просто предъявлены дубинки на обозрение. При детальном рассмотрении, выяснилось, что молодые люди кроме водки и рыбных консервов ничего с собой не взяли. Поэтому и свистнули из домика ножи, вилки и ложки. Мелочь? А Синельникову придётся оправдываться и платить из своего кармана. А то, что они сказали, что всё вернули бы на место – враньё. Надо им рисковать и снова выставлять окно в домике? Поэтому, они всё побросали бы в лесу. Проверено!

Милиция нервно поиграла дубинками и, вдохновлённые собственным энтузиазмом, с комсомольским задором и молодецкой удалью, ребята подхватили награбленное и рысью кинулись к обворованному домику. После возврата вещей на место, блюстители порядка вывели похитителей далеко за пределы «суровой зоны отдыха» и направили в сторону посёлка Бухтарма. Больше мы их не видели.

Ну, и как вы думаете, после подобной прогулки можно спокойно уснуть? Раньше мне доводилось слышать про со-

бачью должность, но я не представлял себе этого в полном объёме. А это значит, что нужно уметь: отбрехаться от начальства за упущения, которые оно же и допустило, не выполнив чего-то в прошлом году; облаять нерадивых отдыхающих (но вежливо); сцепиться с наглými нарушителями и преданно лизнуть руку дающего. Ой, забыл! Ещё надо усиленно мести хвостом перед всякими комиссиями!

Вот ещё случай. Раннее утро. База сладко спит. Стук в дверь. На пороге две заплаканные девчушки.

– Что случилось?

– Нас обокрали.

Посылаю кого-то из обслуги за милицией, а сам иду к домику девчонок. Выясняется, что девочки были с вечера на дискотеке и там «чуть-чуть» выпили. После дискотеки были приглашены в гости к столь же выпившим пацанам в соседнюю турбазу. Там снова веселились до утра. Утром пошли к себе в домик, где и обнаружили факт ограбления. Ключи от домика целы.

Явилась милиция и говорит:

– Профессионал не стал бы на дискотеке вытаскивать у девчонок ключи, ради дешевого магнитофона и десяти рублей. А потом снова подкладывать в сумочку. Дело рук малолеток. Надо идти к соседям в «Тихую бухту»

Приходим и видим спящий молодняк. Магнитофона нет.

– Рота, подъём!

Вывели с десятков ребят на улицу и построили в шеренгу. Поигрывая дубинкой, милиционер начал обход с краю.

– Ты брал магнитофон?

– Нет.

Переходит к следующему и тот же вопрос:

– Ты брал маг...?

– Нет.

И так до последнего. А вот последнего и не спросил ни о чём, просто сказал душевно так, по-человечески:

– Вот видишь, мальчик, все твои друзья сказали «нет» и я им верю. Ты последний, а значит, это ты обворовал девчонку. Пойдём, я тебе объясню, что воровать не хорошо.

И ткнул меж лопаток дубинкой, направляя за ближайший домик. Я сам было поверил, что он будет бить мальчишку, но другой милиционер незаметно успокоил меня взглядом. Забегая вперёд, скажу, что милиционер, как только завёл пацана за угол, врезал дубинкой в стену над его головой. Пацан, и без того ожидая побоев, заорал и пригнулся. Все слышали этот крик и замерли с искажёнными лицами. Тут же раздался рёв милиционера и снова удар по стене. После чего милиционер вышел из-за угла и подошёл к следующему «пациенту».

– Один готов! – сказал он, – Но он не воровал. Так что, твоя очередь!

Этот парнишка заревел по-настоящему:

– Да не я это! Витька взял. Я только ключи вытащил из сумки.

– Хорошо, стой на месте. Пока стой. Витька, ко мне!

Из шеренги выпал еле живой Витька:

– Я всё отдам, не бейте!

Милиционер оглянулся на домик и позвал:

– Эй, пострадавший, давай сюда.

Из-за домика виновато выполз целый и невредимый мальчишка. Второй милиционер повёл всю группу к их домику, в «Тихую бухту». Вскоре они стояли перед нами с сумками и рюкзаками. Принесли магнитофон и сорок рублей, вместо десяти украденных. Их построили попарно и скомандовали идти так до самой Бухгармы.

– Шаг влево, шаг вправо – побег.

Милиционеры обещали стрелять без предупреждения. Так попарно они и скрылись за горизонтом. Дети, ей Богу!

Хочется рассказать о том, как я мирил милицию с предпринимателями. Тот заезд отдыхающих ознаменовался тем, что милиционеры были из патрульно-постовая службы (далее ППС). Серик, в звании старшего лейтенанта, и Коля, лейтенант. Дело было в начале девяностых. Коля не любил спекулянтов, а Серик их люто ненавидел. И вообще, мне показалось странным, что в ППС не сержанты, а офицеры. Может быть, провинились в чём-то?

Так вот. Куда ни сунься, всюду барыги. И к нам на «суровую зону отдыха» прислали вместо обычных кухработников и буфетчицы, четверых парней. Один из них имел корочки

повара. Вот они-то и осуществляли изъятие дензнаков у населения. Дискотека – плати, видеофильмы – плати, игровые приставки к телевизору – плати! Да не копейки, как при просмотре художественных фильмов, а немалые рубли. Ставка на то, что народ ещё тёмный и любопытный. Я уж не говорю о детях. Вот с этого и началось противостояние между бизнесом и правоохранительными органами. Серик готов был дневать и ночевать возле буфета, лишь бы найти повод для очередной нелицеприятной беседы. Он твёрдо верил, если человек занимается бизнесом, он уже расстался с совестью и способен на любые низкие поступки ради наживы. Я и сейчас с ним согласен!

Представьте себе раннее утро. Солнышко едва коснулось зеркальной глади залива и одинокий рыбак, ещё не совсем проснувшись, лениво разматывает удочку. Тишина, благодать. Люди, ещё вчера обгоревшие до черноты и накупавшиеся до одури, натанцевавшие на дискотеке до изнеможения, спят крепким сном. Ни листик не шелохнётся, ни ветерок не дыхнёт. И вдруг.... Представьте себе, в такое тихое утро на вашей веранде раздаётся громкая барабанная дробь. Да такая, что люди вскакивают в чём мать родила и бросаются на веранду – что там? А там ничего! Это стадо козлиное пришло в гости на вашу веранду, и всё. «Да мать, перемать»! Козы россыпью грохочут по ступенькам и теперь уже из других домиков выскакивают полуодетые люди. Крики возмущения! Жалоба директору. Письменная!

А я что поделаю? Козы эти принадлежат директору соседней, опять же Тихой бухты (чтоб она утопла). Сколько раз пытался с ним говорить, бесполезно! Всё так же выгоняет коз по утрам, а те лезут к нам. Почему? Потому что «Тихая» стоит на лысом пригорке, и на её территории нет зелени, а наши домики в зелени утопают. Вот козочки и обгладывают все кусты подряд на высоту своего роста, когда они на дыбы встают. К концу лета и наша база станет лысой. Обидно, что все новопасаженные сосёночки подвергаются нападению коз.

А вот директор «Тихой» не реагирует никак. Он, конечно, обещает принять меры, но не принимает. Что остаётся мне? И я заявил: «Если на моей территории окажется хоть одна коза, отключу фидер, и твоя база останется без света»! Но он, как и я, прекрасно понимал, что холодильники отключатся, и люди потеряют продукты. Вот тогда он напишет петицию моему начальству и предъявит, какой ему заблагорассудится, счёт за несанкционированное отключение фидера. Так что, следующее утро база встречала снова с козами. Теперь я был настроен более решительно. Утром я застал его за завтраком из водки и огурцов, и произнёс всего лишь одну фразу: «Если завтра козы будут на моей территории, то у нас будет шашлык из козлятины, но тебя я не приглашу»! Он рассмеялся.

Утро следующего дня ознаменовалось небывалым собранием. Я объяснил милиции, как обстоят дела, и попросил

принять участие в охоте на одичавших коз. Те прониклись и обещали помочь. Мы пошли искать место козлиной стоянки. Это утром они лезут на веранды, пока люди спят, но после уходят за базу. Коз мы увидели в глубоком лоту, стены которого круто обрывались вниз. Стадо цепочкой шло по тропинке далеко вниз. Стрелять из пистолета на территории базы никто бы и не стал, это понятно, но что делать? Тогда я взял хороший булыжник и, взяв упреждение, навесом кинул его вниз. Ну, надо же! Попал! С первого раза! Камень описал дугу и точнёхонько угодил крупному самцу прямо между лопаток. Козёл зарылся носом в траву. Милиционеры посмотрели на меня с уважением. Потом спросили: «Ну что, потащим куда-нибудь»? Я сказал, что тащить не надо. Я сообщил нашим буфетчикам, что на тропе лежит козёл и его надо пустить на шашлык. Вечером будет небольшой праздник. Парни так и не узнали, кто угрохал этого козлика. Милиция не выдала. А буфетчики скрыли, что козлика они разделявали. Получается, что я тут совсем ни причём. Поэтому, мною был предложен тост «за слияние бизнеса и правоохранительных органов»! Водки было совсем мало, но буфетчики подсустились и её стало много. Вскоре милиция и буфетчики окончательно признали друг друга и стали даже вместе распевать застольные песни. Вот так произошло примирение сторон!

Козы исчезли с нашей базы на время, но через пару недель

объявились снова. Тогда исчез молодой барашек, которого раньше в стаде не было, а теперь появился. И опять у нас был шашлык. От директора «Тихой бухты» – ни слуху, ни духу. И снова козы исчезли. А мы только-только начали привыкать к халявному шашлыку!

Через неделю, гляжу – опять эти черти рогатые! Вот тут я решил, что хватит с нас шашлыков! Дело-то подсудное. Да и не гоже чужую скотинку изводить. В общем, наконец-то проснулась совесть. Теперь нужно было действовать иначе. И однажды утром, отдыхающие в «Тихой бухте» обнаружили, что света-то нет. Воинственно настроенный директор прибежал к нам на «Суровую зону отдыха» и застал мою команду за ремонтом фидера. Как раз того фидера, от которого была запитана его база. Мы провозились день и под вечер включили автомат. На следующее утро всё повторилось, но.... Теперь уже мы не трогали фидер. Пошли по линии и обнаружили, что в распределительном пункте перегорел предохранитель. Его заменили. И пошло-поехало! Что ни утро, то сгорают предохранители. К обеду мы их меняем. Отдыхающие бегут к директору, он бежит к нам, мы бежим к распределительному пункту. Нет-нет, предохранители не сгорали. Просто утром мы меняли целый предохранитель на сгоревший, а в обед делали наоборот. Но заявляли, что в «Тихой бухте» слишком большая нагрузка, вот предохранители и «летят». Директор пытался сам менять сгоревшие или хотел разобраться, – почему они горят? «Да хтож

ему дасть»? Согласно правилам техники безопасности, наш распределительный пункт был закрыт на замок, чтобы исключить попадание посторонних лиц в электроустановку. В общем, «дошло» до директора! Он увёз козочек на далёкий остров и снял, тем самым, проблему с повестки.

Как-то, в середине лета, прибежал к нам на базу директор базы отдыха «Борок». Его левый глаз горел кроваво-красным праведным цветом, отливая снизу синей одутловатостью. Если учесть, что лицо подчеркивала мертвенная белизна, то получался триколор, флаг Российской империи. Мужчина полноватый, лет шестидесяти, он пробежал бегом три километра и теперь еле переводил дух. Оказывается, к нему на базу, без путёвок прибыли на неопределённый срок отдыхающие. Не спросив разрешения, поставили палатки прямо на пляже и стали отмечать собственное прибытие. Когда директор попросил их удалиться вместе с палаткой на положенный километр от базы, они ответили, что являются десантниками и позиций не сдадут! А тут им на глаза попала лодка на берегу, и они решили, что на базе всё для народа и для их полноценного отдыха. Подбежали с гиканьем к лодке, а в ней нет вёсел. По правилам, если человек берёт на день или сутки плавсредство, то ему на руки выдаются ключи и вёсла. Отец семейства, взявший лодку, спрятал вёсла под домик. Разгорячённые спиртным, десантники потребовали ключи и вёсла, на что получили отказ. Не желая терпеть

такого несправедливого отношения к Советской Армии, десантники дали хозяину в глаз. Подоспел директор. Его тоже не обошли вниманием, наделив «приварой» в глаз. Тогда, с криком: «Ждите милицию», директор рванул за помощью на «суровую зону отдыха».

Я достал ракетницу и сделал выстрел в небо. Эта зелёная ракета являлась знаком для милиции. Вскоре к нам прибыли на ниве два гаишника. Мы, захватив с собою ещё двух милиционеров, поехали в «Борок». Бравых солдатиков там уже не оказалось. Мы их догнали только на дороге в Бухтарму. Завидев милицейскую машину, четверо вояк рванули в лес. Машину пришлось оставить и догонять их пешком. Куда там?! Наши вояки оказались грамотными и резво разбежались на все четыре стороны. Я и один из гаишников выбрали для себя жертву и бросились вдогонку. Бежали долго. Наконец, водочка сделала своё дело, и наш беглец начал сбавлять ход. Видимо, он не ожидал, что за ним будут бежать методично и напористо. Только и гаишник начал сдавать. А что поделаешь, если он привык гоняться за нарушителями только на машине. Впереди была, круто уходящая вверх, каменная осыпь. Беглец с трудом полз по ней вверх, помогая себе руками. И тут.... Гаишник выхватил из кобуры пистолет и с криком: «Стоять, стреляю!», дал предупредительный выстрел в воздух. Зря он это сделал! Мы впервые в жизни имели честь лицезреть, какой у человека энергетический запас, и как включается форсаж! Камни из-под рук и ног убегаю-

щего, просто летели струёй! Мгновение, и он исчез за горой. Всё! Гаишник рухнул на землю от усталости. Я тоже последовал его примеру.

И всё-таки, одного задержали наши милиционеры! Надели наручники и доставили на «суровую зону отдыха», где нас ожидал директор «Борка». Увидев пойманного десантника, он расплылся в такой добродушной, я бы сказал, отеческой улыбке, что я подумал было, что они родственники. Но дело обстояло иначе. Он подошёл к вояке и так двинул ему в глаз, что тот расцвёл таким же, как и у самого директора, триколором! «Это сдачи, – молвил довольный директор и с чистой совестью направился к себе на базу. Солдатика гаишники отвезли и сдали в милицию Бухтармы, а что там стало с остальными, меня лично не интересовало.

СУРОВАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

«Таки, вы хотите иметь большую природу? Оно вам будет!» – так говорил небольшой, лысенький и пожилой человек, поддерживая под локоток свою спутницу. Акцент выдавал в нём одессита. Я удивился. Немцы на нашей «суровой зоне отдыха» были, швейцарцы были, даже голландец один был, а вот одессита вижу впервые. Это, прямо скажем, удивляло даже больше, чем всё вышеперечисленное. Но не согласиться с ним я не мог: чего-чего, а природы здесь будет «вам не пересмотреть»!

Начало лета. Новорожденная зелень, пока ещё не знавшая летнего зноя, словно отливала изумрудным гляncем. Молодая травка, хоть и поднялась сантиметров на тридцать, но всё равно тянулась вверх, словно пытаюсь разглядеть в вышине нечто для себя новое и неизведанное.

Прямо за домиком директора, скрытый от посторонних глаз, прямо между скал расположился махонький огородик. Собственно, ничем особым не выделяющийся для глаз человека. Однако были и другие глаза, которые ежедневно изучали этот огород. Это были глаза белки Маньки и сусличихи Багиры. Так я их назвал. Манька была совсем ручной и с весны подпускала человека только на расстояние метра. Обвыкнув, и не видя в людях врагов, она, начиная с середины

лета, уже могла брать с ладони хлеб. Иногда позволяла себя чуточку погладить. Правда, сразу же удирала. Багира не позволяла к себе приближаться. Она, наоборот, сама выбирала расстояние для общения и, стоило его пересечь, тот час же пулей улетала в расщелины между камней. Но! Она-то и удивила меня своим доверием.

Однажды утром, Багира, как всегда, вылезла на камень, чтобы погреться в тёплых лучах восходящего солнца. И... О, чудо! За нею следом на белый свет выползло шесть её щенят! Маленькие такие сусличата, все в мать! Пришлось замереть и посмотреть, что же будет дальше? А дальше она повела выводок вниз, к моему домику. Уже внизу, вскочила на деревянные мостки и оглянулась на семейство. Эти глупыши тотчас последовали за мамой и уселись, подобно ей на задние лапки. Она знала, что здесь её ожидает ежеутренний кусочек хлеба. Не успела мамаша прикоснуться к нему, как эта развесёлая компания облепила кусок плотной копошащейся массой. Они пищали, кусались, отскакивали и вновь налетали. Но, стоило мамаше свистнуть, как все застыли, словно по команде, и только рты всё так же перемалывали пищу. Наблюдать за ними было крайне интересно.

Однажды, когда солнце обрело-таки зенит, я заметил в конце огорода какое-то движение. Хоть огородик был метров десять в длину, но среди скальника я не сразу рассмотрел мальчишку лет десяти-двенадцати. Он целился камнем в маленьких сусличат. Я окликнул его и погрозил пальцем.

Он в ответ показал мне кулак. Тогда я окольным путём, чтобы не испугнуть сусликов, направился к мальчишке. Его моё появление ничуть не смутило.

– Нельзя в них кидать, – сказал я, – они почти ручные.

– Ну и чо?

– Кирпичо! Отведу к отцу, узнаешь «чо»!

– А отец в городе, – и тут же без перехода заорал: – Ма-а, чо ко мне мужик пристаёт?

Откуда-то сверху, с пешеходной тропы, стала спускаться дама.

– Что вам от ребёнка нужно?

– Да вот, у меня тут выводок сусликов прирученный, а ваш мальчик камнями в них бросить собирается.

– Какие суслики?

– А вон, смотрите.

Женщина всплеснула руками:

– Ой, какие хорошенькие!

– Это малыши, а вон там, на скале повыше, сидит их мама

Багира.

– Ух, ты. А они, правда, ручные?

– Не совсем. Вот в конце лета точно будут из рук есть.

Посмотрите сами.

Я вернулся на своё место и сел на стульчик. Перед собою поставил чашечку с водой и позвал:

– Багира! Баги-Баги, пить, пить!

Сусличиха сделала несколько прыжков в мою сторону и

остановилась. Затем что-то свистнула на своём языке, и весь выводок припустил за мамашей. Когда до меня оставалось пара метров, щенки разом присели, а мамаша нерешительно сделала ещё три прыжка.

– Багира, пить, пить!

Она почти на животе подползла к чашечке и стала лакать воду, не сводя с меня глаз. Я не шевелился. Попив, она опрометью кинулась на скалы, выводок последовал за ней. Теперь я налил в большую миску воды и отнёс на скалу, где сидело семейство. Стоило мне отойти на безопасное расстояние, как вся орава кинулась к миске. Что они вытворяли! Хоть места было много, но они пищали и старались отогнать друг друга. Иногда кто-то влетал в миску, но сразу выскакивал.

Я посмотрел на женщину. Она сложила на груди ладошки и с восторгом наблюдала за сусликами. Я подошёл к ней:

– Вот видите? А мальчик хотел их камнем.

Женщина строго посмотрела на отпрыска и процедила сквозь плотно сжатые губы:

– Если ещё хоть раз....

– В общем, – она посмотрела на меня, – не стесняйтесь, если что. Хватайте его за ухо и ко мне.

Затем посмотрела на Багиру и сказала то, чего я никак не ожидал:

– Я тоже мать, и я её понимаю!

Утром следующего дня, когда я вышел на веранду, мальчик сидел на моём месте и ждал, когда суслики выйдут на

прогулку. Он приготовил для них гостинец – пирожки и ва-
трушки. А я кивнул ему головой и не стал мешать.

И вообще, это так приятно, дружить с животными. От них
знаешь чего ожидать и, поэтому, не даёшь повода себя цап-
нуть. То есть, у каждого есть свои права и обязанности, и
каждый их выполняет. Тогда дружба получается необремен-
ительная и не становится обузой. Не то, что у людей, кото-
рые во всём ищут корысть. Даже если дружба с животным
становится не в радость, то виноват в этом только человек.
Думай головой. Чего можно ждать от животного плохого?
Если согласен на это плохое, тогда бери. А взял, не ной. Жи-
вотные живут по своим примитивным законам, отточенным
веками. Тут появляешься ты и начинаешь, а точнее пыта-
ешься, втюхивать ему своё видение взаимоотношений. Ну,
прямо сейчас!

С животными иначе: пришёл, увидел и подмёл. Или по-
мыл, или зашил, отремонтировал, выбросил, в конце концов.
И покормить не забудь!

Случайно услышал разговор двух дам:

– Не поверишь, я недавно отстегала прутиком свою Ча-
пу (собачку), так она на меня обиделась. Даже колбаску не
взяла. Ну, думаю, подожди! Что-что, а подход к животным
у меня есть. Я сутки ей есть не давала. Утром гляжу, – вот
она, стоит у моей кровати и хвостиком метёт.

Хотелось мне сказать: «А давай, дрессировщица, я тебя

прутом отстегаю, а потом три дня кормить не буду? На четвёртый ты не только обиду забудешь, но ещё и руки мне лизать согласишься!»! И это хитрая, продуманная жестокость. Животные на это не способны. Чем выше организовано животное, чем ближе оно к человеку, тем злее оно становится и изощрённее. Человек – вершина бесчеловечности! Вот и весь парадокс.

Прямо возле веранды стояла бочка. Видимо кто-то, кто любит возиться в огороде, придумал эту конструкцию. Столитровая бочка без крышки. В неё вставлена железная труба с множеством отверстий. Пространство между трубой и стенками бочки заполняется землёй. Труба возвышается над бочкой сантиметров на тридцать. Теперь надо воткнуть тонкие рейки по периметру бочки и натянуть крепкие капроновые нити. После этого, в землю высаживаются цветы или огурцы, или помидоры. По натянутым ниткам растения пустят усики, и плоды будут красиво висеть на вертикальной зелёной «клумбе». А труба служит для полива. В неё наливается вода и через отверстия попадает в почву. Правда, в эти же отверстия осыпается в трубу земля. Так что, чистить надо. Хотя бы раз в год.

Теперь вернёмся к этой бочке. Стал я замечать, что при моём приближении к бочке, из трубы вылетает большехвостая синица. Или большая, или мясник. Почему мясник? Просто раньше, когда не у всех были холодильники, мясо и сало оборачивали бумагой и вывешивали в сетке-авоське за

форточку, на холод. Так эти пичуги, словно знали, что там. Они проклёвывали бумагу и «тырили» продукты. Мы только посмеивались, – много ли птахе надо?

Я решил проверить трубу. В свете фонарика моему взору предстало гнездо с яичками этой синицы. И тут я задумался: как же птенцы вылетать будут? Чтобы вылететь из трубы, надо уметь летать, а чтобы научиться летать, нужно вылететь из трубы. Потом решил посмотреть, что же предпримет синичка? Даже если не сможет выудить свой выводок на волю, то я наклоню бочку и вытряхну этих бедолаг. Так что вопрос был решён.

Вскоре птенцы «возвестили миру» о своём появлении. Немного погодя, я рассмотрел, что они покрыты оперением. Значит, скоро на вылет. Только, к сожалению, этого не произошло. В один из дней я заметил, что птенцы не пищат, а их мамаша носится над бочкой с тревожным криком. Я схватил фонарь и осветил внутренность трубы. Увы! В гнезде едва шевелились какие-то тёмные комочки, а по периметру скрутилась маленькая гадюка.

Выудив змею проволочным крючком, я не пожалел её. За птенчат! Да ещё за то, что она может запросто кого-то цапнуть, ведь рядом остановка, да и по тропе люди ходят. Затем достал рукою птенцов. Двое погибли, но третий был жив. Птенцы были все измусолены. Видимо, змея пыталась их заглотать, но они оказались слишком крупными для неё.

Я нашёл жестяную банку, положил на дно сухой травы, а

сверху накрыл наждачным кругом с дырочкой посередине. Чтобы мамаша могла навещать своё чадо. Насыпал зернышки, крошки, семечки. Дал воды в маленькой чашечке. Конечно, я подсматривал за птенцом в течении дня. Заметил, что воды стало заметно меньше. И тут я сообразил, что этого птенца змея укусила последним. Не хватило ему яда, чтобы сразу скончаться. Раз уж он так активно пьёт, значит, яд всё-таки проник в организм. Утром я увидел нахохлившуюся синичку, которая не летала, не щебетала. Я бросился к банке и... Всё кончено – птенец не выжил. Вот такая у животных жизнь, простая, бесхитростная и суровая.

ФИЗРУК НА СЕЙШЕЛАХ

Вы представляете, как утомителен полет длительностью в двадцать шесть часов? Это вам не в поезде проехать от станции до станции и в любой момент выйти на перрон покурить. И даже автобус со своей парой остановок в сутки более приятен, чем тот самолет, на котором я прилет на Сейшелы.

Конечно, увидев красоту, в которую мне предстоит окунуться на ближайшие четырнадцать дней, я сразу забыл о кошмарном самолете. Усталость осталась, но душа рвалась к изучению всех окрестностей и главное к теплему, райскому океану.

Меня разместили в отеле довольно быстро, кинув в номер чемодан, я даже не стал распаковываться, а только достал из него плавки, шорты и майку. Хорошо хоть я их предусмотрительно положил в отдельный карман, чтобы иметь возможность быстро достать.

И вот я уже спускаюсь из отеля, прохожу мимо бассейна, который полностью окружает здание, и направляюсь в сторону океана. Пять минут, и асфальтовая дорожка переходит в песок. Снимаю туфли, тапочки ж не доставал, так как случайно положил их на дно сумки, и иду босиком по пляжу. Касаюсь ногами воды – она теплая как парное молоко. Надо искупаться, а потом уже продолжить свою прогулку.

Для меня это самое необычное путешествие в жизни. Никогда не бывал дальше Сочи. А вот западнее ездить, раньше не посчастливилось. При моей зарплате это невозможно. Я обычный учитель физкультуры. Сами понимаете, что в этой профессии серьёзных денег честным трудом не заработать.

Раньше я профессионально занимался футболом, но мечты о большом спорте были разрушены травмой колена, поэтому пришлось довольствоваться работой со студентами. А перебор с алкоголем и эту возможность поставил под угрозу. Но со временем я свыкся с новой профессией и даже начал получать от неё удовольствие. Благо, что устроился в университет.

Жизнь наладилась и я решил, что надо бы отдохнуть. А как заработать денег на отдых? Думаю всем понятно. Десять групп, по двадцать-тридцать студентов в каждой и все хотят зачеты, которые стоят всего-то пару тысяч рублей, если было много прогулов, и максимум тысячу, если прогулов не было. Собрав со всех деньги, я так сказать, убежал с ними от проблем. Обычно принято делиться с начальством, но я с трудом собрал на тур до Сейшел, поэтому делиться и ехать опять в Сочи я не захотел.

И вот я здесь! Снял майку и только взялся за шорты, чтобы избавиться и от них, а затем броситься в воду, как увидел вдалеке бегущую девушку, зовущую на помощь. Я бы сразу сорвался с места и побежал её выручать, если бы не увидел, что за ней гонятся дети. Видимо они просто играют, также

подумали и остальные отдыхающие и отвернулись от этой картины. Я же остался смотреть.

Девушка пробежала вдоль пляжа мимо одного из отелей и повернула на дорожку, проходящую вдоль него. Дорожка была с двух сторон окружена забором, поэтому через секунду преследуемая уже скрылась бы. Но дети её настигли, и уже казалось, что сейчас погоня пойдет в обратную сторону, но игра явно не напоминала салки, так как один из ребяташек ударил бегунью в ногу, так что она завалилась на колени. Остальные ребята подбежали следом, и видимо понимая, что находятся на открытом пространстве, потащили девушку вглубь аллеи.

Мне картина не понравилась, поэтому я одел, обратно майку и побежал в их направлении. По песку и камешкам бежать неудобно, поэтому надел туфли и довольно быстро добежал, до места, где компания скрылась с глаз. На асфальте я увидел следы крови, поэтому побежал еще быстрее, понимая, что девушка и правда находится в опасности. Ребята удивительно быстро оттащили её метров на сто. Я начал кричать, чтобы они оставили её в покое, но они лишь прибавили в темпе.

Через пол минуты я нагнал их, и схватив одного из парней, попытался отцепить его руки от девушки. Сначала он начал бороться в ответ на мои действия, но почувствовав, что я сильнее отпустил её руки и схватился за мои. Адская боль тут же пронзила мои конечности, взглянув на них, я

увидел, что их обхватили не пальцы, а длинные когти. Удивленно подняв глаза к лицу парня, я увидел ехидную усмешку и тут же потерял сознание от удара сзади.

Очнувшись, почувствовал камень, упершийся мне в спину. Может я от неудобства и пришел в себя, либо просто пришло время пробуждения после удара. Открыв глаза, увидел прутья решетки окружающей меня. Я находился в клетке-арене, такой как показывают в рестлинге, когда у них проходят закрытые бои.

Я лежал в одном из углов арены, в другом тоже был человек. А вокруг арены, за решеткой, стояли дети. Одного из них я узнал – это был тот самый парниша, которого схватил за руки чуть раньше. Увидев парня, я тут же посмотрел на следы от когтей. Они действительно были, мне не показалось! Кто же они такие?

В толпе была и девушка, за которой гнались парни. Она была длинноногой блондинкой – именно от таких у парней башни сносит. Видимо, они заодно, и это изначально была подстава. Значит, меня сюда заманили специально, но для чего? Мужик в другой стороне ринга тоже начал приходить в себя. По внешнему виду он ничем не отличался от меня, то есть им нужны были только туристы. Возможно даже одиночки, чтобы за нами не бросились сразу же на поиски.

Блондинка подошла к моему углу и поманила меня к себе пальцем.

– Сейчас ты будешь драться, бой будет насмерть. Кто победит, тому достанется возможность прожить дольше соперника.

– С чего ты взяла, что я стану кого-то убивать? Кто вы вообще такие?

– Ты будешь драться! – жестко и в приказной манере гаркнула девушка – Либо умрешь!

– Вы сумасшедшие? Вы думаете, что я сейчас прямо радостно побегу убивать? Что с Вами не так?

– Ты будешь убивать! – она протянула в мою сторону руку и я заметил, что у неё нет пальцев, а вместо них когти. Один из когтей вылетел в мою сторону, я попытался избежать попадания, но скорость была слишком высокой. Коготь впился мне в ногу.

– Пока это предупреждение. Будешь сопротивляться, получишь еще десяток уколов в тело.

– Ты больная! – закричал я от боли – Зачем тебе это?!

– Перестань задавать глупые вопросы и повинуйся!

– Я не буду убивать!

– Ты убьешь его или он убьет тебя – сказала она, улыбнувшись, и кивнула мне в сторону соперника.

Парень до этого тоже общался со своей блондинкой, кстати, очень похожей на мою. Видимо он больше сопротивлялся, поэтому его быстрее раскололи, так как я увидел три когтя торчащие из его правой ноги и один из руки. Толи обезумев от боли, толи, реально решив подчиниться им, парень

бросился в мою сторону. Теперь спорить с девушкой было бессмысленно, я стал защищаться.

Противник хотел с разгону навалиться на меня всем телом, тем самым впечатав в решетку, но я успел увернуться.

– Братишка, ты чего? Зачем тебе нападать на меня? Мы же оба пленники! – начал я стучаться к разуму своего противника.

– Мне нужно тебя убить, чтобы выжить и вернуться к семье.

Ох уж эти «семейники»! Если у них есть жена и дети это еще не означает, что они занимают более важную позицию в иерархии общества и теперь могут просто взять и убить соперника, так как им это приказали.

– Так давай вместе выбираться! Ты, правда считаешь, что убив меня, станешь свободным?

Во время диалога мы танцевали по арене, он пытался нанести по мне удары, а я пока только лишь защищался.

– Мне нужно тебя убить! – повторил соперник.

Интересно, как они так быстро промыли мозги этому мужику? У меня таких желаний не появилось, так почему он жаждет меня убить?

Я продолжал все также защищаться, но при этом немного давая сдачу, выматывая противника и ослабляя его. Бой бы продолжался бы еще некоторое время и закончился бы ничьей, точнее я технически бы победил, так как у меня физически сил больше, чем у неподготовлено к драке соперника,

но толпе детей это было неинтересно, поэтому к нам в клетку кинули два топора. Это уже в корне меняло ситуацию.

Мы одновременно схватились за оружие, при этом я взглянул в глаза соперника. Теперь у меня не оставалось сомнения, что выжить должен только один из нас. Причем так решил не я, а он.

Пару замахов я отразил, но дальше уже не мог гарантировать свою безопасность, нужно было что-то предпринимать, если хотел жить. При этом хотелось бы остаться в живых и не убить соперника. Теперь я начал нападать, нанося небольшие скользящие удары. От многих атак получалось защититься, но если прекратить действовать, то меня завалят.

Продолжая натиск, каждый свой четвертый удар я доводил по цели, оставляя небольшую рану на противнике. Не пытался ударить смертельно, а лишь старался обескровить, чтобы он потерял сознание. Противник явно начал выдыхаться. Мне же моя спортивная карьера помогла – не пропил видимо талант, поэтому легко бегал по рингу, уворачиваясь от атак.

Схватка продолжалась минут пять, пока противник не кинулся на меня с очередной атакой. Но судьба была на моей стороне, парень оступился на камне и рухнул в мои объятия. При этом его собственный топор вошел под горло. На пол брызнула кровь, а я остался держать обмякшее тело.

Толпа вокруг возликовала. А я был настолько зол, что, даже не задумываясь, выхватил второй топор и оба кинул в

ближайшую блондинку, с которой разговаривал мой соперник. Один топор не прошел сквозь решетку, а вот второй угодил прямо в цель, раскроив череп девушки на две части. Я ожидал, что меня убьют на месте, но вместо этого толпа опять закричала от радости.

– Да что с вами такое, ублюдки? Какого черта смерть вызывает у вас восторг?

– Это дети демона ночи Бальтазара – сказала девушка, вошедшая в клетку, и протянула мне руку – Пойдем со мной победитель, тебя ждет награда. Но прежде хочу тебя предупредить, что попытка убить меня станет для тебя смертельной, Бальтазару хватит и того, что ты кинул топор уже в одну из жриц. Благо, топором её не убить.

Я не собирался двигаться с места. Со мной тут вели непонятную игру, в результате которой погиб человек и какая-то жрица. С какой стати мне продолжать эту игру?

– Ты можешь остаться в клетке и дожидаться нового противника, если не хочешь идти со мной.

Ну, уж нет! С меня хватило и одного. На секунду задумавшись, я понял, что врагов слишком много, поэтому вырваться не смогу, а убить меня они готовы с легкостью, поэтому незачем их лишний раз провоцировать. Я протянул руку и взялся за жрицу. Мир вокруг померк, и мы переместились в другой мир.

Я – любитель компьютерных игр, поэтому уже не раз встречал различные воплощения ада, но увидеть его живьем

никогда не планировал. Однако, именно там сейчас и оказался. Я стоял на каменной дорожке, вокруг которой стояли стеной потоки лавы.

– Добро пожаловать в обитель Бальтазара! – улыбнувшись мне, сказала жрица. При этом её внешний облик стал меняться: на голове появились рога, за спиной крылья... В добавок, разорвав джинсы на свет появился длинный хвост.

Будь я проклят, если это не суккуб! Как же меня угораздило так попасться?

Мы пошли по дорожке, которая постепенно расширялась. В итоге она перешла в тронный зал. В конце зала восседал демон, в типичной для литературы ипостаси. А на нашем пути появились бесы похожие на парней, от которых я пытался спасти блондинку.

Мы прошли вдоль рядов бесов и перед троном, суккуб потянула меня вниз для поклона, но я не поддался и остался стоять ровно.

– Похвально! – медленно произнес демон. – Стоять в моих чертогах и иметь в себе наглость не поклониться? Ты достойный воин. Дитя моя – обратился он к суккубе – ты выбрала достойного мужа.

– Постойте, постойте, какого еще мужа? Я не собираюсь ни на ком жениться.

– Ты стоишь передо мной, не кланяясь, ты попытался убить одну из моих дочерей – жрицу огня. На что ты рассчитываешь? У тебя есть два пути: остаться здесь на веки пыток,

либо полюбить мою дочь и сделать меня дедушкой, что ты выбираешь?

Так весь этот цирк был разыгран только ради того, чтобы какой-то демон стал дедушкой? Бред же, не поддающийся никакой логике.

– Что ты выбираешь? – грозно и очень громко спросил демон, не дав мне времени на размышление.

– Жизнь в браке – обреченно сказал я.

– Благословляю ваш союз – заявил Бальтазар.

В этот момент я скрючился от боли в спине. У меня начали расти крылья из лопаток, затем полез хвост и последними на свет появились рога. Так значит если она суккуб, то я видимо инкуб?

– Приветствую тебя, рыцарь ада! – сказал демон – Тебя ждет первая брачная ночь!

Суккуб взяла меня за руку и повела к одному из выходов. Я в это время свободной рукой пытался потрогать рога и хвост. Мы прошли через пару коридоров и оказались в комнате с огромной кроватью. Моя суженая разделась, демонстрируя свои прелести, и поманила в постель. Я хотел было что-то сказать, но примкнувшие ко мне уста не дали вымолвить ни слова. Мой разум захлестнуло возбуждение, я не мог сопротивляться. Все-таки инкубы – это распутные демоны. Ночь была долгой и страстной.

Утром я проснулся в своем номере. Его белоснежный

цвет ослеплял глаза. Оглядевшись по сторонам, я облегченно вздохнул.

– Это был всего лишь сон... – улыбнувшись, шепнул сам себе.

Поднявшись с кровати, я потянулся и отправился в ванную, открыл дверь и увидел на пороге очаровательную блондинку.

– Дорогой, ты проснулся, как тебе наша брачная ночь? – игриво поинтересовалась она.

Значит, не приснилось...

НОЧЬЮ, В ПОЛЕ, В ТИШИНЕ

Я наблюдал за ними со стороны. Понимаю, это непозволительно. Особенно такому человеку, как мне. Вроде взрослый мужчина и должен хоть как-то мыслить. Но, к сожалению, пройти мимо такого у меня просто не получилось. Вернее, не пройти, а проехать.

Было уже часа два ночи, а я только возвращался домой. Поздно? Нет. Для меня это рано. Я вообще особо туда никогда не спешил. А зачем, если всё равно никто не ждёт. Я ведь даже кота не могу себе завести. Некогда будет за ним ухаживать, да и зачем мне это бесполезное животное, способное только есть, спать да изредка приходить к человеку, как бы делая некое одолжение своим существованием в его жизни. Так вот, я ехал на машине по пустым дорогам из Питера в свой посёлок с частными домами. Нигде поблизости не было даже жалкого фонаря. Хорошо, хоть фары у меня работали.

Я старался не отвлекаться на мир вокруг меня. Чего я там не видел? Всё те же кусты, всё те же деревья. Ничего нового. По радио играли какие-то «сверхпопулярные» попсовые песенки, которые вызывали у меня лишь одно желание – застрелиться. Кто, вообще, это слушает? Кто это сочиняет и зачем они это поют? Какой в этом смысл? Вся эта однотипность дней, ночей, людей и событий давила на меня. Безум-

но устал от всего. Работа, дела, эта вечная рутина... Агрессия, медленно копившаяся последний месяц, готова была выплеснуться наружу. Глаза застилала пелена злости.

Я резко остановил машину и чуть ли не выбежал из неё. Я не понимал, что происходит. Я просто шёл. Шёл и вдыхал неповторимый запах ночи. Он был необычным... Как оказалось, я остановил машину рядом с полем. Ароматы полевых трав и самой «царицы тьмы» – ночи сливались воедино. Воздух был такой терпкий и в то же время сладкий. Свежий. Потрясающий. Единственный в своём роде, он отличался от всего того, чем я привык дышать. Тут не было пыли, грязи, запаха бензина, алкоголя, пота – в общем, не было запаха города – запаха клетки, в которую многих из нас заточила жизнь.

Нет, я никогда не был тем человеком, который дышал только закатами и туманами. Читал вечерами Хемингуэя, пил горячий шоколад и восхищался картинами Ван Гога. Я не был «модным», я всегда был собой. Я читал Паланика и газеты, пил коньяк и не восхищался никем. Я не был способен на высокие чувства, о которых так много говорят. Я не был «непризнанным философом нового времени». Я был собой. Поэтому дал волю чувствам и эмоциям и не пошёл обратно к машине, а скинул пиджак и оставил его где-то там валяться. Если вам интересно, я не подобрал его. Ни в тот день, ни сейчас. И вообще... После этого случая я научился понимать любовь...

...Сколько я шёл? Понятия не имею, если честно. Может, минут пятнадцать, может, полчаса, может, час, а может, вечность. Всё это время я вдыхал околдовавший меня аромат полыни. Так бы я и продолжал идти, если бы не увидел их. Они стояли на обрыве, высоко задрав головы. Они любовались небом. Одна фигурка была повыше. Её обладатель, мужчина, неловко переминался с ноги на ногу и смотрел то на стоящего рядом, то снова на неповторимую россыпь звёзд на небе. Второй же был поменьше. Это была девушка. «Мелкая» не смотрела на своего спутника, она глядела в небо. Не отрывая взгляда. Руки прятала в карманы. На улице было морозно.

Я, понимая, что не должен подглядывать за другими, хотел, было, уйти, но что-то меня остановило. Скорее всего, банальное любопытство. Я остался.

А в поле действительно было тихо, я стоял довольно близко к ним двоим, поэтому вполне мог слышать речь, даже самую тихую, если бы она была. Но эти люди молчали. Ни «высокий», ни «мелкая» ничего не говорили, только изредка можно было уловить звуки прерывистого дыхания первого и стук сердца второй. Да-да, я и вправду это услышал и почувствовал. И сразу всё понял. Любовь...

Они не делали пылких признаний, нет. Как-то обходились без всех этих красивых слов. Они просто молчали. Не держались за руки, не обнимались. Молчали. Тишина – вот что было главным для них сейчас. Тишина и стоящий рядом че-

ловек. Вы скажете: «К чему эти поспешные выводы? Может, эти люди просто друзья?». Нет, скажу я вам. Любовь не обязательно слышать и видеть. Её важно чувствовать. Чувствовать нежность, заботу, поддержку. Когда люди любят, эта «троица» буквально витает в воздухе. Даже если ты случайный прохожий и просто заметил влюблённую пару, ты почувствуешь любовь этих двух сердец. Её, настоящую любовь, не надо озвучивать. Она выражается не в пламенных признаниях ночами, не в поцелуях на людях. Настоящая любовь не обязана быть взаимной. Она просто есть, и одно её существование даёт повод жить.

И я прочувствовал это трио: нежность, заботу, поддержку. В тот момент, когда это произошло, я изменился. Любовь меняет, это правда. И все это говорят. Но никто не говорит, что она меняет не только тех, кто любит. Она наполняет жизнью всех вокруг. Не та фальшивка, которую нам так часто хотят выдать за настоящую, нет. Эта гадость не меняет никого. Она только портит, внушает нам глупости, но не исправляет. По крайней мере, не в лучшую сторону. В наше время, когда люди привыкли всё опошлять, когда в мире царит порой необоснованная ничем ненависть, мы разучились любить. Именно с этой мыслью я жил, пока не увидел этих двоих: хрупкие фигурки, которые вмещали в себя всё хорошее на планете. Они буквально распространяли любовь вокруг, ничего не прося взамен. И что-то непостижимое они сделали со мной...

...Прошло много лет, а я всё это помню в точности до деталей. Я не знаю, где эти люди сейчас. Может, их дорожки разошлись, а может, они до сих пор вместе. Я знаю лишь одно. Не обязательно шептать слова любви друг другу. Если ты любишь, это будет понятно. Даже ночью. Даже в поле. И даже в тишине...

ПИСЬМА С ТОГО СВЕТА

Она любила встречать рассветы, в тишине слушая ветер и шелест листвы. Ей нравилось проводить пальцами по шершавой коре деревьев, удаляясь глубже в обволакивающую нежность леса. Любила неподвижно смотреть за течением жизни, наблюдать за тихим колыханием травинки, на сладко чавкающей мокрой земле. Она любила жить.

Он любил ярко-алые закаты, окрашенные алой зарницей прошедшего дня. Любил вдыхать усталый воздух сонных городов. Ему по душе были гладко уложенные мостовые, темные вершины крыш и шершавые дороги. Он любил свободу, пьянящую, дикую, ввергающую в безумие. Даже взаперти городских каменных джунглей он дышал яро и своенравно. Раскинув руки, он шел навстречу судьбе, улыбаться скованности, проходящей мимо толпы. Ему тоже нравилось жить.

А еще он любил смотреть ей в глаза: в яркие, честные, светлые, пронзительно-голубые, в ответ смотрящие ему душу, всегда широко распахнутые от любопытства. Он не видел в них железных клеток и колючей проволоки, упорно выстраиваемых обществом, и это его привлекало в ней до лёгкой дрожи. Он любил её улыбку, чуть смущенную, такую милую и родную. Ему нравилось, как она смешно морщит носик, водит плечами, в попытке передразнить его пухлые щеч-

ки. Как собирает волосы в маленький пушистый хвостик, так похожий на его кисточки для красок.

Она любила его голос. Такой бархатный, с легкой, волнующей до дрожи хрипотцой: такой глубокий, грудной. Как он выговаривал каждое слово: медленно, со сладко-терпким вкусом, с чувством, с вырванным наголо сердцем, со свойственным ему надрывом. В душе он артист, живущий эмоциями, оголенными нервами, дыханием ощущений. Ей нравились мурашки, бегущие по её телу от мелодии его голоса. Она любила приглаживать его теплые волосы, перебирая пряди, легонько накручивая локоны на свои элегантные пальцы...

Ради него она полюбила закаты. Ради нее он учил стихи. Не такой, как все. Не такая, как он. Зачем они вместе?

Это была удивительная пара. Он – брюнет, несколько кругловат, не очень красив, но до невозможного честен, прямолинеен и обязателен. Она – с длинными, чёрными и роскошными волосами, с фигурой над которой изрядно потрудились специалист и знаток женской красоты. Она, в противовес ему, обожала мистику и фантастику и была несколько ветреной.

Они встретились в Ленинграде, будучи студентами. Скорее всего из-за разницы и противоположности личностей, увидев друг друга в первый раз, поначалу решили никогда не расставаться, ведь часто бывает так что плюс притягивает

минус. По окончании ВУЗа по предварительному стовору с ректором, они были распределены на работу в один и тот же город.

Живя вместе на съёмной квартире, они были счастливы. Она работала инженером-технологом на местном машиностроительном заводе, он служил на железной дороге по путёвской части. По условиям работы он часто приходил поздно и вконец измотанным. Однажды она не выдержала и напрямую потребовала ответа на вопрос: «не завёл ли он на стороне любовницу». Он долго и страстно оправдывался как сильно любит только её – единственную, задающую глупые вопросы. Даже пригрозил, что умрёт, если её не будет рядом. Просил, прощения за то, что уделяет ей мало внимания, торжественно клялся, что как получит обещанную квартиру, уйдёт на другую работу, не связанную с безопасностью движения поездов. Но время шло и ничего не менялось. Отношения становились всё холоднее и холоднее.

Однажды, придя с работы он не застал её дома как обычно. Не раздеваясь заснул, положив голову на обеденный стол. Она пришла через час и стала извиняться: «У нас начальник цеха собрался с другом после работы в кино. Друг в последний момент не смог, и он предложил мне составить ему компанию. Я думала успею, а оказалось две серии». Он ничего не сказал и поужинав ушёл спать.

Прошло ещё полгода. В один из своих редких выходных

он чинил кран на кухне и увидел в окно, что она возвращается из магазина, а рядом с ней высокий, стройный мужчина. Мужчина нёс её сумки, а она держала в руках букетик. У дверей в подъезд они простились. Войдя в квартиру, она сразу поняла, что её интрижка раскрыта. Она освободилась от сумок, небрежно сунула цветочки в вазу и вопросительно посмотрела на него. Он спокойно спросил:

– Ну и что это было?

– Просто человек, помог донести сумки.

– Что за человек?

– Это наш начальник цеха.

– Это тот самый любитель кино?

– Да. Мне его жалко. Он вдовец, одинок, я ему нравлюсь. Я люблю только тебя, а его, обещаю, отошью. Тем более его на днях переводят на другую работу. У меня с ним нет ничего. Ты мне веришь?

– Пока верю, только знай, без тебя мне не жить.

Он сгрёб её в охапку и не дав даже помыть посуду отнёс на ложе. Борьба под одеялом была намного ярче, чем в первый раз и длилась до тех пока на следующее утро будильник противно не сообщил, что пора собираться на работу.

Прошёл ещё год. Обещанная квартира по-прежнему маячила призраком. Отношения охладели до натянутости.

Однажды он, придя с работы, застал её одетой и с чемоданчиком. Она, потупясь, сказала:

– Еда на плите, а я пойду.

– Что случилось? И куда ты пойдёшь?

– Я так больше не могу. Пойду в общежитие. Поживу, разберусь со своими мыслями: «люблю ли я тебя как прежде?».

– Раз ты так решила, неволить не буду, только «не гони гусей», оставайся и живи здесь, а уйду я. А ещё лучше, давай зарегистрируемся, если хочешь ещё и обвенчаемся. Хватит жить как попало.

– Спасибо за предложения, но я уже всё решила и со всеми договорилась.

Почти ещё год они жили отдельно, но она довольно часто навещала его, соскучившись как по мужчине. Он неоднократно просил её «прекратить цирк», но всё продолжалось по её прихоти. Однажды она пришла вся бледная и сконфузившись сообщила:

– Я сегодня впервые в жизни согрешила, изменила тебе. Сразу скажу – ты лучше. Я не могу носить в себе такой груз вины перед тобой. Он сделал мне предложение, и я согласилась.

– Кто «он»?

– Тот самый бывший начальник цеха. Его выбрали в руководящие органы профсоюза. У него зарплата выше твоего оклада в три раза, огромная квартира, машина, дача. Как говорится: упакован полностью. Мне с ним интересно. Вот, теперь мне стало легче.

– Спасибо за честность. Я всегда хотел, чтобы тебе было хорошо. Если тебе с ним лучше, пусть будет так.

– Я только тебя прошу, не навреди ему, обещаешь?

– Обещаю.

– Хочу ещё попросить: а можно, я иногда буду к тебе приходить?

– Нет, не получится. На днях я должен уехать в длительную командировку. Я тоже хочу попросить: можно я буду иногда писать тебе письма?

– Можно.

– Тогда диктуй адрес...

Прошел месяц. Она была счастлива. Всё развивалось по её сценарию. Она уже стала помаленьку забывать его и однажды увидев конверт без обратного адреса на своё имя мгновенно прочла: «здравствуй, любимая. Я искренне рад, что у тебя всё хорошо. Меня не ищи, я далеко».

И тем не менее в удобный момент она сходила по старому адресу. Там уже проживали другие арендующие. Хозяйка квартиры объяснила, что он уехал ничего не сказав. Хозяйка даже искала его на работе, но не нашла. В отделе кадров объяснили, не увольнялся, ни в какую командировку его не посылали, просто исчез. Подали в милицию на розыск.

Прошёл еще один месяц, и она вновь получила послание. Решительно вскрыв конверт, она прочитала: «Здравствуй, моя единственная. Ну вот ты и сделала первый шаг на пути к материнству, я горжусь тобой».

Она удивилась: «откуда он знает? Ведь результат теста на

беременность получила только вчера, даже муж ещё не в курсе. И куда он пропал?»

Третье письмо пришлось ждать долго. Да, тяжело ждать и догонять. Но она упорно проверяла почту. Прошёл год и вот долгожданный конверт, увидев который, она от волнения чуть не выронила из рук ребёнка. И тут же на лестничной площадке разорвала конверт и прочитала: «любимая, поздравляю с сыном! Я тронут, ты назвала его моим именем. У меня всё по-прежнему». Она навзрыд заплакала и всё бубнила, прижимая сына к груди. «Что по-прежнему? Ты где?» – Она не поленилась и сходила в милицию. С трудом отыскала нужного сотрудника, у которого выяснила, что поиски не принесли результата и по истечению определённого времени он будет признан пропавшим без вести.

И опять потянулись дни томительного ожидания. Жизнь её со стороны была замечательной. Всегда внимательный муж, полный достаток в доме. Походы в кинотеатры, участие в различных презентациях и экскурсии, летом отдых за границей или в отечественных санаториях. Но она всё ждала и загибала пальцы, считая дни. Когда минул год, она с волнением осмотрела почтовый ящик, но там ничего не было. Она в раздумье просидела на кухне весь день, терзая себя вопросами о нём.

Вечером пришёл муж, маленько пожурил за неприготовленный обед, и предложил пообедать в ресторане. Она от-

казалась, сославшись на головную боль. Потом муж вспомнил и проинформировал, что утром, когда уходил на работу, обнаружил в почтовом ящике письмо на её имя, какое-то странное, конверт старый, не свежий, без обратного адреса. Она взяла конверт, покраснела и соврала, мол письмо от школьной подруги. Сославшись на недомогание, попросила до утра её не беспокоить и удалилась в свою комнату. И уже там дала волю эмоциям. В письме она опять не нашла ничего нового о нём: «Привет! Сын, наверное, уже подросток. Зачем ты ищешь в нём мои черты? Их не может быть. Следующее письмо будет последним. Мне всё тяжелее и тяжелее их писать. Из него ты узнаешь, где можно меня найти». Она целовала письмо и плакала, плакала и целовала. Потом положила себе на грудь и так пролежала до утра.

Опять начались томительные дни ожидания. Прошёл год невыносимого и долгожданного. Она положила конверт на стол в своей комнате и не прикасалась к нему до вечера, предчувствуя необратимое. И только вечером, совершенно спокойно и внимательно прочла: «Здравствуй любимая и единственная. Если ещё не забыла меня и хочешь узнать больше, то поезжай по указанному на обратной стороне адресу и обратись к моему брату. Он всё покажет и расскажет».

Утром с рассветом она уже была на ногах. На вопрос мужа коротко ответила: «У моей школьной подруги беда, надо помочь. Меня не будет несколько дней». Видя её решительность, муж не посмел перечить.

До места назначения добралась удивительно быстро. И уже вечером предстала перед его братом. Он очень внимательно и оценивающе её осмотрел. За рюмочкой они просидели до утра. По мере повествования брата, лицо её становилось всё мрачнее, принимая формы скорби и вины:

– Он заявился неожиданно. Мы так же посидели с ним за рюмочкой, и он попросил меня об одолжении. Вручил мне пять писем, к конвертам были прикреплены даты. Он попросил отправлять их согласно срокам из разных мест. Днём ходил в церковь, о чём-то переговорил с нашим батюшкой, они в конце концов поругались. Пришёл обратно, что-то долго высматривал во дворе, а потом исчез. Вечером мы нашли его в сарае на верёвке. Что было в письмах я не знаю до сих пор. Но его просьбу выполнил. О чём говорили с батюшкой, я догадываюсь только сейчас. Как и положено, мы вызвали участкового, он из наших. Он долго скрёб голову и объявил, что это "ЧП". А "ЧП" в деревне сейчас иметь нельзя, в кои веки у нас такие хорошие показатели. Решили закопать его в поле у кладбища, На кладбище по нашим законам самоубиенных хоронить нельзя. А в деревне распустили слух, что был, переночевал, и отбыл в неизвестном направлении. Вот это мы нашли у него в кармане, по ней я и узнал Вас. – брат протянул ей фотографию.

Она долго смотрела на своё изображение, на обратной стороне которого размашисто было написано: «Я ВСЁ РАВНО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!»

Когда стало совсем светло брат повёл её к нему. Увидев небольшой холмик с маленьким деревянным крестом, она спросила: «Здесь?». На что брат утвердительно кивнул и проинформировал: «Мы сегодня после обеда решили помянуть, приглашаем и Вас». Она тяжело вздохнула: «Я буду, я обязательно буду. А Вы бы могли оставить меня совсем одну?» Она бросилась грудью на холмик и затряслась в истерике. Брат повернулся и медленно пошёл к дому. Брат ещё долго слышал её истеричные крики: «Я тоже тебя люблю! Это я тебя убила!»

После обеда она не появилась. Уж вечер наступил, а её всё не было, и брат отправился на поиски. Он нашёл её на старом месте, лежащую на холмике лицом вниз. Брат перевернул её и удивился. Лицо её, ещё днём мрачное и скорбное, сейчас было светлым и выражало умиротворение. Тело было холодным, сердце не билось.

Батюшка, узнав всю историю, разрешил похоронить их вместе на территории кладбища. На надгробии значилось только её имя.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОХОТЫ

Шины автомобиля «Лэнд Крузер» с приятным шелестом поглощали километры и, казалось, что едешь вовсе не на машине, а проплываешь по волнам спокойного моря и тебе не угрожает никакая опасность. Николай уверенно вёл машину и откровенно наслаждался быстрой ездой.

За свою жизнь он сменил немело машин и остановился

именно на этой. Конечно, немного обидно было за отечественный автопром, но что поделаешь?

В полумраке кабины от подступающих сумерек, он размывчато видел спокойное лицо старого друга Вальки. Того, казалось, ничто не волновало, он смотрел вперёд на набегающую ленту дороги. Только это обманчивое впечатление. Валька всегда так: делает одно, а размышляет о другом. За его кажущимся спокойствием сейчас бушуют чувства. Пятнадцать лет он не был на охоте. Уж кто-кто, а Коля знал, как друг влюблён в это дело. Причём, любил он охотиться не на лосей или кабанов, а на утку, боровую дичь. Любил, в не меньшей степени, лакомиться дичиной. Сам выдумывал, творил и всегда возмущался дурью западных кулинаров, у которых вкус и аромат дичи или рыбы забивается напрочь лимоном, апельсином, специями и так далее. «Блин, материться охота! На сто грамм дичинки вываливают тачку зелени и считают, что отведали куснятины. Глупцы!». Так и хочется сказать: «Не развращайтесь в изощрениях»! Он просто не понимал и не воспринимал, что в уху вываливают морковь или помидоры.

Он готовил дичь или рыбу только с согласующимися компонентами, которые не перебивают вкус, а подчёркивают его. В основном, это были картофель и лук. Может быть он и сейчас задумал что-то своё, простейше-вкуснейшее.

Смотрю на Колю и люблюсь тем, как он ведёт машину.

Это он мог всегда. Была в нём этакая спокойная уверенность и лёгкость. Он может и смеяться, и шутить, но никогда при этом не терять бдительности. Пожалуй, это единственный человек, рядом с которым я могу спокойно спать во время езды. Сколько раз мы выезжали на охоту или рыбалку, пожалуй, и сосчитать трудно. И всегда это была его инициатива. У меня машины не было, а это сильно урезает желание познать что-то новое, неизведанное. А ещё он всегда просчитывал всю охоту наперёд. Сколько надо времени пострелять там-то, куда переехать после, где порыбачить?

В общем, ехал не абы как, а продуманно. Дичь или рыбу он никогда не старался взять больше, чем другие.

Скорее отдаст свою часть, или вообще откажется, объясняя это тем, что его супруга не поклонница дичи и, тем более, не предаётся восторгу от её количества. Она не любила возиться с ощипом или чисткой. А вот моя наоборот! Её приводит в восторг сама дичь и вдохновляет её количество! Уж тут-то она неумолима. Конечно, я никогда не привозил дичь домой и не бросал у порога со словами: «Я добыл, а дальше твоё дело»! Просто у нас принято любую работу делать вместе. Вместе щипали, вместе опаливали, разделявали.

Ох, чует моё сердце, что это последняя моя охота. Сколько времени я не выезжал никуда? Пожалуй, более десяти лет. Тосковал, конечно, с ружьём расстаться никак не мог. Платил исправно взносы, чистил и без того чистое ружьё. Гла-

дил и приговаривал: «Вот подожди, ещё немного и выйдем мы с тобой на охотничьи просторы, засядем в камышах и будем терпеливо выжидать, когда на нас налетят утки». И представлял себе, как на ранней рани, на только просыпающейся зореньке, слышатся посвист утиных крыльев. Задрёт сердечко, а глаз привычно оценит расстояние до подлетающей дичи. Я, сжимая холодное ружьё, привстану в скрадке и возьму на мушку крупного селезня. Сделаю «вынос» и проводку, а затем плавно нажму на курки. Выстрел! Ещё выстрел!

Первый селезень растрепанным комом рухнет по плавной дуге вниз, а второй ещё немного потянет-потянет, и тоже кубарем полетит навстречу земле. А я, набегу перезаряжая ружьё, брошусь поднимать дичь...

Ах, как сладко грезить и тосковать душою по любимому занятию, как тянет в такие моменты куда-то далеко-далеко, где небо сливается с камышами, а заходящее солнце, уже спрятавшись за горизонт, отражается на воде световым заревом. Уже и уток не видно в почерневшем небе, а севших на воду ещё хорошо видно. Бах, бах!

Отвлекаюсь на Колю, он говорит с кем-то по сотовому телефону. Ага! Нас уже ждут в Степном. Обычная изба на окраине. Там уже готовы к нашему приезду, и на столе дымится огромный лещ, кило на полтора, жареная рыба и уха в большом котле. Говорят, жирная! А на столе, в самом центре, красуется запотевшая бутылочка водки! Всё! К чёрту болячки, я возвращаюсь в молодость. Настроение подскочи-

ло до критической отметки. Скорее бы уж добраться до места. «Светланка, как ты»? – обращаюсь к жене, притихшей на заднем сидении.

«Хорошо». – Я улыбаюсь в темноте машины. Чудной у меня Валька. Прямо загорелся весь в предвкушении охоты. Я тоже её люблю, но, пожалуй, не так азартно. Да и стреляю я плохо. В сидячую ещё попаду, а в летящую.... Ну вот забываю начисто, что нужно брать упреждение, что нажимать курок надо плавно, к плечу приклад прижимать крепко. Да всё я забываю, когда вижу летящую утку!

Был у нас с мужем случай, когда и он стрелять не стал. А было так! Мы сидели на берегу водоёма. Солнце садилось прямо напротив нас, и небо над нами было ещё светлым. На его фоне отлично можно было разглядеть налетающую дичь. Вдруг послышался сильнейший шум крыльев. Валька вскинул ружьё, да так и застыл! В осветливающей темноте неба показалась стая голов в сто-сто пятьдесят. Они держались плотным табуном и шли прямо на нас. И вот, когда Валька должен был уже нажимать на курки, он неожиданно опустил ружьё и прошептал: «Смотри». Нет-нет-нет! Я такого уж больше никогда не увижу!

Туча птиц нависла над нашими головами, примерно, на высоте двадцати метров. Они никуда не летели, они повисли над нами и просто висели в воздухе, нещадно хлопая крыльями. Затем, как по команде, стали свиваться в единую спи-

раль, которая вращалась в правую сторону. Через тридцать секунд движение прекратилось и снова стая начала вращение, только теперь уже в обратную сторону. И, словно по взмаху дирижёрской палочки, танец прекратился и весь табун разделился на два круга – внешний и внутренний. Внутренний кружился в правую, а наружный в левую сторону. Да нет же, так не бывает! Я не верила своим глазам. И если кто-то скажет, что охотники брехуны, то я первая откажусь от этого почётного звания. Скажу только, что какая-то неведомая сила сжала всё моё тело, и я не могла пошевелиться. Очарованная, загипнотизированная танцем, я очнулась только тогда, когда птицы разом опустились на воду. Валентин тронул меня за руку и я, моментально догадавшись о его намерениях, медленно перевернулась, не произведя ни звука, и на четвереньках стала отползать от амфитеатра в темноту.

В этот вечер мы не сделали ни единого выстрела, потому что этим самым мы могли убить очарование! Честно сказать, мне стало жаль стрелять в уток. Нет, не только в этот раз, но и вообще. Ночью долго не могла уснуть, мне постоянно виделся этот бесконечный хоровод, а в ушах стоял громкий шум трепещущих крыльев. А он ещё спрашивает: «Как ты»?

Встречали нас двое – Саша и Володя, но так обрадовано и шумно, что казалось, их было больше, чем двое! И сразу же потащили за стол. Мы и сами не задерживались. Побросали

вещи и к столу. Да-а! Действительно, лещ горячего копчения вольготно развалился на большом блюде, выставив на обозрение огромное брюхо. Весь его вид словно говорил: «Да где же вы ходите? Я же, блин, остыть могу!»! Рядом на тарелке лежали куски жареной сорожки, окуней и лещей. На улице, в огромном котле, на тагане булькала уха. Наша городская снедь, добыта в солидном магазине, как-то поблекла и не привлекала к себе никакого внимания. Да и какое может быть внимание к колбасе, когда под шкуркой леща обнаружилась гора икры. «Ох, ребята, держите меня семеро, шестеро не удержат»!

Только теперь я смог как следует рассмотреть наших новых знакомых. Вполне симпатичные мужики крепкого по-сола. Оба плотно сбитые, основательные. Чувствовалась в них надёжность и стабильность. Тот, что назвался Сашей, был повыше и покрупней, а Володю тоже маленьким не назовёшь, только он был более подвижен. Порасторопней, что ли...

Как водится, первый тост за охоту, а потом уж можно и за дам, и за ружья, и за... А вот теперь начиналось время рассказов. Ну, где вы видели охотников за столом и без самых, что ни наесть, реальных охотничьих баек? Первым начал Володя (я же говорю, что он порасторопней), а Саша прекрасно дополнял его, порою украшая повествование мелкими, но значительными штрихами:

...Зима не кажется такой уж и холодной, когда сидишь в

тёплой избе, да ещё и с жарко натопленной печью. Да ещё и под настроение. Вот именно такое настроение и сподвигло наших друзей на вояж, который после вспоминался и как приключение, и как испытание. Приключение, потому что всё произошедшее сейчас кажется невероятным стечением обстоятельств, а испытание, потому что многое пришлось преодолеть. В общем, решили Володя и Саша «смотаться» в Россию, в «Горняк». В гости. А гости – это дело святое. Собрали всё, что нужно, кроме того, что необходимо и поехали. Это сейчас Москвича за «человека» не считают, а в то время это был надёжный и проходимый вид транспорта.

Январь. Зима только ещё набирала обороты, но до морозца в двадцать пять градусов всё же дотягивала. Ну, не беда! Печка греет исправно, одеты мужчины основательно, значит, успевай топи педаль газа. Пока машина мчалась по степи, всё было нормально. Мелкосопочник тоже не принёс лишних волнений, но, как известно, чем выше сопки, тем больше снега с них сдувает и забивает низины. А это уже ловушки. Поначалу удавалось преодолевать препятствия, но всему хорошему когда-то приходит конец, впрочем, как и всему плохому. Машина встала. Где-то впереди село Ермашиха Алтайского края. Чертыхнувшись, друзья, вооружившись лопатой, вышли на морозец.

Вот же беда! Спустило колесо. Да чёрт его побери! И вот тут началось мучение. Машина днищем плотно легла на снег. Чтобы подкопаться под днище, нужно освободить от

снега хотя бы одну сторону Москвича. Так и сделали. Точнее, хотели сделать! Едва начинали подкапываться по дну, как машина тут же осела. Ещё усилия – результат тот же. Пришла пора покурить и согреться. Попробовали ещё раз устроить подкоп, ничего не вышло. Вновь просадка. Продувает незаметно, но качественно. Морозный, с потягою, воздух никак не способствовал поднятию настроения, а, тем более, не прибавлял энтузиазма и комсомольского задора. Начиналась вьюга. А главное, не было понятно, что же конкретно делать? Домкрат был, и его установили под днище, но ведь ясно, что он в равной степени давит как на машину, так и на снег под собой. Наконец, колесо сняли. Бились долго. До тех пор, пока при очередной попытке, домкрат не упал набок, а машина накрыла его сверху! Вот это да! Чтобы вытащить домкрат, нужно одному поднять машину, а другому вытаскивать. Саша, как более здоровый, ухватился за порожек, но техника словно прилипла к снегу. Тогда подключился и Володя. Они рассчитывали вдвоём оторвать днище от снега, после чего Володя освободит одну руку и попытается выхватить домкрат. Машина подалась, но стоило Володе ослабить хватку, как она тут же падала на место! Хоть плачь, ей Боту! Уж полдень близится, а дело не сдвинулось с мёртвой точки. И тут.... Бывают же чудеса на свете! На дороге показался одинокий всадник на лошади. Как же наши друзья обрадовались появлению этого человека: «Друг, помоги!»! «А сигарету дашь»? Втроём они справились с задачей, и машина

медленно начала разгон. Вот именно в такие моменты и познаётся чувство великой радости!

Теперь, когда оба стали немного опытней, они перед серьёзным заносом останавливались и лопатой расчищали путь. Два часа бились. «Господи, за что же ты нас так невзлюбил»? Уже и Ермашиха – вот она, близко. Опять засели! Как ни бились, ничего поделать не смогли. И тут, на тебе! Двое мальчишек пришли и катаются на санках. «Пацаны! Выручайте дяденек! Толкните машину!» А в ответ: «А сигарету дашь»?

– Слышь, Сань, а за пачку они нас, пожалуй, и до «Горняка» дотолкают!

И ведь вытолкали! И, главное, сколько мучений, чтобы съездить в Россию только на один день! А что поделаешь? Душа просит!

Мы сочувственно покачали головами: «Да, досталось мужикам!» А за это следует выпить. И ещё раз. Я, конечно, извиняюсь, но за достоверность следующего рассказа я, как говорится, ответственности не несу. Дело в том, что теперь бразды повествования взял в свои руки Саша, а Володя стал его поправлять и часто и, порою, прямо противоположно. Я слушал, а Светик пыталась конспектировать. К. чести супруги должен заметить, что за весь вечер она так и не допила бокал грузинского вина. Вообще не пить она не могла, так как не пьющий охотник – не охотник, а суррогат!

...Сентябрь 2007-го года. Время впечатлений, незабываемых историй, время всплеска осенних красок, чувств и переживаний для истинного охотника. Не могли Саша и Володя пропустить такое чудное время и не выехать на охоту. Просто не вмоготу было сидеть дома и слышать, как где-то, совсем не далеко, раздаются выстрелы других добытчиков. Надо ехать!

Машина пошла в сторону Малой Убинки. Там, подальше от чужих охотничьих угодий, где-то в камышах и среди проток, затерялся остров Малай. Одно из излюбленных мест наших друзей. Но, чтобы охота была более насыщенной и разнообразной, они взяли с собой капканы на барсука.

Подъехав насколько можно ближе к барсучьей норе, о существовании которой было известно заранее, добытчики вышли из машины и поставили капканы. Впереди их ждала целая ночь, а поэтому существовала возможность поимки зверя. Ведь известно, что барсук выходит ночью на кормёжку.

Прибыв на остров, друзья, как и положено заправским уткулюбам и барсуковедам, развели костёр и ярко отметили своё прибытие небольшим возлиянием и вечерним перекусом. Утром (я не стану на этом заострять внимание) они отстрелялись, собрали добычу и отправились в обратный путь. Я специально не делаю акцент на утиной охоте, потому что основной канвой рассказа является всё-таки барсук. Скажу сразу, что барсучище попался хороший и, что немаловажно,

в оба капкана сразу. Что в данной ситуации сделает нормальный охотник? Достанет ружьё и пристрелит зверя? Не-ет! Нормальный охотник достанет бутылочку и пригласит друга разделить радость! Вот так! Что наши друзья и сотворили. По маленькой, по второй, а там, глядишь, и мысли умные стали появляться.

Все наши беды исходят от наших мыслей. Кого первого осенила идея привезти сюда собак, я утверждать не берусь, но она взбудоражила пытливые умы непосредственных участников. Простое дело взять и пристрелить барсука, а вот как бы это сделать с пользой? И решили незамедлительно ехать за фокстерьером Жулькой и таксой. А может быть и наоборот – таксу звали Жулькой (тут и конспекты оказались бессильны)? В общем, собак доставили к месту ристалища и, не долго думая, пустили на охоту, а сами по-походному накрыли стол и присели пропустить по рюмочке за удачную охоту.

Собаки быстро обнаружили барсука и накинулись на него со свойственной им яростью. Если учесть, что Саша сказал о фоксе – «страшнее собаки не видел», то станет понятно, что драка началась не шуточная. Визг, рёв, лай, бряканье капканов, – всё слилось в сплошной клубок пыли и шерсти. Собаки рвали барсука! Понимая, что вскоре от бедняги ничего не останется, друзья хлопнули ещё по одной и пошли разнимать дерущихся. Им удалось-таки врезать животину лопатой по голове, но на этом бой и завершился! Выявилась при-

скорбная подробность, – барсук «сорвался» с одного капкана и ушёл в нору со вторым. Собаки рвались в бой, но сделать ничего не могли. Почему? А потому, что барсук протиснулся в нору сам, а капкан потянул за собой. И когда собаки пытались его достать, то натыкались на железо. Они долго и бесполезно ныряли в нору, но так ничего и не добились. Охотники, вооружённые лопатой, тоже остались ни с чем! Глубока была нора и камениста. Но оба были «наши люди», а потому, хлопнув ещё по чуть-чуть, рванули в деревню за тракторишкой с ковшом, чтобы раскопать барсучью цитадель и добыть-таки зверюгу. Но, увы, трактор им не дали.

Вот так барсук ушёл от двух охотников, двух собак и двух капканов, прихватив один из них с собой! Только я вас умоляю, не надо про водку. Она здесь вовсе не причём! Не верите? Да ладно!

На этом, собственно, и закончились наши повествования, потому что пришла пора ложиться спать. Время позднее, а утром вставать придётся рано. Помню, Коля заботливо укрыл нас одеялом, и жена прижалась тёплым телом к моему, измученному алкоголем, организму. И наступила вселенская тишина.

Проснулся я, как ни странно, в машине. Один. Никого – ни рядом, ни около – не наблюдалось. Я понял, что все уехали на охоту, а меня попросту не смогли разбудить! Уже после она мне расскажет, что спал я, словно в обмороке. Ничто

не могло меня поднять. Тогда меня просто пожалели и оставили досыпать. Радовало лишь то, что Светлана всё-таки не осталась со мной, а приняла участие в охоте. Пусть хоть ей повезёт!

Выйдя из машины, я прислушался к себе. Ничего, всё нормально, чувства

Похмелья нет, настроение хорошее. Обидно, конечно, что проспал, но теперь уже ничего не изменишь. Подошёл к машине, чтобы достать бутылочку с водой и сигареты, но тут меня ожидал сюрприз. Не из приятных. Все дверцы автомобиля автоматически заблокировались. Вот тебе на! Что же делать?

Поняв безвыходность своего положения, спустился к воде и утолил жажду. Оставалось только ждать. Присев на бугорок, я осмотрелся. Молодая трава только-только начинала свой жизненный путь из темноты земных недр к свету апрельского солнышка. Первые почки деревьев, ещё не успев отметить как следует своё присутствие на ветвях, тоже усиленно тянулись к солнечному теплу. Если этот берег был чист от камыша, то противоположный был полностью скрыт от взгляда рдестом и рогозом. Сам же водный простор Иртыша затерялся где-то в дальней дали, а передний план представлял сплошные камышовые заросли. Изредка были слышны заглушаемые расстоянием выстрела, и сердце моё снова сжималось от тоски и обиды на самого себя. «Люди

стреляют, а я»?

Прошло часа два и вот в дали послышался мерный звук мотора. «Наши»! Лодка причалила к берегу и перед моим взором предстали «охотнички». Скорость лодки на апрельском холодке сделала своё «чёрное» дело! Скукоженные, с заострившимися лицами, они не производили впечатление счастливых людей. Скорее, несчастных, замёрзших и голодных. Но вот лодка ткнулась в берег, и бедолаги стали высаживаться на сушу. Когда дело дошло до выгрузки уток, я увидел в глазах друзей то, что называется охотничьей гордостью. В полиэтиленовом мешке были и кряковые утки, и чернеть, и шилохвость, и даже чирушки. И в это время меня посетила зелёная тоска и чёрная зависть. Хоть сначала я и рассудил здраво, что мои больные лёгкие на таком холоде сразу уложат меня в постель, то теперь я готов был хоть месяц проваляться на больничной койке, лишь бы быть рядом с ними на утренней тяге. Так же сопереживать, радоваться каждой сбитой утке и отмечать со всеми удачу глотком полусладкого грузинского вина.

Да, не так я представлял себе свою последнюю охоту. Хотя, чего я разнылся? Хочешь не охоту, начинай тренироваться за месяц. Сначала по пятьдесят граммов в день, потом – по сто... и так далее. Света, забыв все наставления по стрельбе влёт, всё-таки оглушила округу несколькими выстрелами. Друзья «отвалили» нам пять уток в подарок. Причём, Коля отказался от дичи, и она полностью досталась нам со Све-

той. А ведь леща так и не съели и, опять же, вручили нам. Каждый скромничал и оставлял лещовую икру другим, а в результате она досталась нам со Светой.

Вот и поохотились!

В ОБЪЯТИЯХ СОЛНЦА

Как же это красиво... Только представь себе свет исходящий, казалось бы, от самой земли, с каждой минутой разгораясь всё ярче и ярче! И вот – из-за горизонта показывается край солнца. Именно в такие минуты кажется, что всё замирает... Хотя нет, не кажется. Всё действительно замирает, и остаёшься только ты наедине со своими мыслями, мечтами, надеждами, желаниями... И все они обязательно сбудутся, просто может быть не в этой жизни – или не в другой.

Он был обычным парнем – немножко поэтом, немножко певцом... Важнее было то, что он был человеком... Или не был? Кто выбирает наш путь? Он думал, что сам творец своей судьбы – так ему было удобнее. И вот уже солнце прямо напротив него, и кажется, что оно смотрит ему в душу.

Парень поднял руку в приветственном жесте, солнце мелькнуло в ответ солнечным зайчиком на одной из машин. Это был уже привычный ритуал. Он повторялся изо дня в день, раз за разом.

Солнце смотрело на парня, который искренне улыбался в ответ, и ему самому хотелось сиять как можно ярче. Он не боялся смотреть на солнце – прямо в сердце, и солнце, казалось, ценило это.

Однажды, в один из таких дней, на рассвете солнце взо-

шло, но не увидело своего друга на крыше. Оно поднималось всё выше и выше, ведь вдруг парень просто затеял с солнцем какую-то игру... Но на крыше было пусто.

Когда солнце вошло в зенит, оно смогло увидеть всё в этом мире – каждый уголок... Но, оно смотрело только на крышу.

И вдруг, дверь распахнулась. На крышу кто-то поднимался – солнце от радости стало сиять ещё ярче.

Неужели парень всё-таки пришёл?!

Даже солнце может ошибаться...

На крышу поднялась маленькая девочка... Раньше солнце видело, как тот парень забирал её из детского садика – наверное это была его сестра.

Девочка подошла к краю крыши, к тому самому месту, где обычно сидел Он, и положила на краешек, но так чтобы не упал, маленький букетик цветов. А потом села рядом и заплакала.

Шли дни... Солнце больше никогда не видело его... Но каждый год, в один и тот же день приходила та самая девочка и приносила букетик цветов на ту самую крышу. Спустя некоторое время, она грустно улыбалась солнцу и уходила.

...на Лебединых островах.

Где нас нет,

Услышь меня и вытащи из омута,

Веди в мой вымышленный город,

*Вымощенный золотом.
Во сне я вижу дали иноземные,
Где милосердие правит,
Где берега кисельные.*

Мирон Фёдоров

ЭПИЛОГ

Несмотря на иллюзорность наших мечтаний о лучшей жизни в иной стране или в другом месте, даже в самые тяжелые времена мы надеемся на благополучный исход при любых раскладах.

Очень грустно осознавать, что всё хорошее когда-нибудь кончается и за подъёмом следует упадок. Но жизнь-зебра несёт нам новые перспективы даже тогда, когда казалось-бы надежды в конец иссякли.

Ну а для преданных читателей сообщаю, что этот сборник – не последний в цикле. Будут и другие книги о мирах с лессами, живописными закатами и рассветами.